

Евгений Малинин
Волчья звезда
Серия «Волчья звезда», книга 1

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=178584
Малинин Е.Н. Волчья звезда: Фантастический роман: Эксмо; М.; 2009
ISBN 978-5-699-32428-6*

Аннотация

Они – воины, властители, ученые, способные оборачиваться к Миру разными гранями и становиться волками, медведями, рысями, воронами, – называют себя людьми и чувствуют себя вправе владеть остальными – извергами: рабами, рабочим скотом. Но Мир меняется. Многогранных становится все меньше, в борьбе за власть внутри стай и в усобицах гибнут лучшие. Некоторых в результате интриг подвергают обряду лишения многогранья. Так произошло и с Ватом, воином стаи волков. Но его душа жива. Правнук Вата, маленький изверг Вотша, оказавшийся сильнее, умнее, способнее иных людей, может стать как благословением принявшей его стаи, так и причиной гибели привычного Мира, если в мальчишке проснется память крови. Но об этом знают только волхв Ратмир и князь Всеслав, по его настоянию взявший извержонка под опеку, которые пытаются предотвратить беду. Однако как трудно поверить в то, что пыль под ногами может оказаться опасной!..

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	34
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Евгений Малинин

ВОЛЧЬЯ ЗВЕЗДА

Пролог

Все было кончено – вожак остался один. Он уходил давно знакомой ложиной, круто спускавшейся от южной стены окутанного черным дымом замка к проблескивающей серебром реке. Эта река была его последней надеждой – за спиной он слышал лай преследующей его своры волкодавов и топот копыт конного отряда. От лошадей, несмотря на свои раны, он еще мог уйти, а вот собаки... Собаки не дадут извергам-преследователям сбиться со следа!

Правый, разодранный алебардой бок горел и пульсировал тупой болью, шкура на обожженной спине пылала огнем, словно попавшая на нее смола все еще кипела взваром, но сильные ноги несли волка вперед, глаза точно находили проходы в, казалось бы, непроходимых зарослях, а сердце... сердце пылало мщением! Вся его стая, все еще оставшиеся в живых тридцать два волка, двенадцать волчат, шесть медведей, две рыси и девять ивачей – гигантских птиц с двухметровым размахом крыльев, клювом и когтями стальной твердости, все они полегли в этой последней битве с полчищем извергов! Вожак ушел из замка через пролом в стене, но изверги на быстрых лошадях, со сворой огромных собак настигали последнего оставшегося в живых волка, а в его голове, в его мозгу, воспаленном боем, ранами, тоской по погибшим сородичам, пылала картина мести!

Между тем собачий лай приближался. Вожак дернул головой и метнулся влево, прочь с привычного пути... знакомого, похоже, и преследователям. Спустя мгновение перед мордой задыхающегося зверя встали совсем уж непроходимые дебри. Корни корявых, низкорослых деревьев вынырнули на поверхность и переплелись с укоренившимися ветвями густого подлеска. Длинные побеги дикой ежевики, стремясь к солнцу, перевили колючими плетями кустарник, так что и ежу было не проскользнуть в этой ошестинившейся иглами завесе.

Но волк, обдирая бока и оставляя на коллочках клочья шерсти, продрался сквозь стену кустарника и неожиданно оказался на узкой полоске плотного дерна, у самого края крутого десятиметрового каменистого откоса, срывавшегося подмытым обрывом в закручивающуюся водоворотами излучину широкой реки. И почти сразу же за его спиной, за стеной кустарника послышался истошный вой псов, упершихся в непроходимые заросли.

«Попробуйте тягаться со мной, выродки!» – мелькнула в волчьей голове яростная мысль, и тут же, словно ответ на нее, раздался хриплый, остервенелый голос одного из преследователей:

– Он здесь! Псы загнали его на карниз! Юрга и Конан, прорубайте проходы справа и слева, мы возьмем его в тиски – деться ему некуда! Только осторожно, светлые клинки держите наготове!

Волк заметался по крошечной площадке, а когда справа и слева от него затрещали срубаемые кусты, без раздумий бросился к обрыву.

Но это только казалось, что без раздумий. На самом деле его прыжок был точно рассчитан. Огромное темно-серое тело пролетело по дуге несколько метров, мягко приземлилось на спружинившие лапы и, проехав юзом по гладкому камню обрыва, низринулось в пропасть. Прошло несколько томительных секунд, прежде чем раздался тяжелый всплеск, свидетельствовавший о том, что вожак достиг вожденной реки.

Именно в этот момент на задерненную полоску перед обрывом с двух сторон прорубились люди, сжимавшие в руках короткие, матово-белые клинки. Осторожно выглянув из зарослей и обнаружив, что добыча ускользнула, они разом обернулись и закричали:

– Он ушел!

– Он прыгнул с обрыва!

Из-за стены кустарника донесся ответный крик:

– Посмотрите, он упал в реку или разбился на камнях?

Двое, стоявшие над обрывом, переглянулись, а затем один из них осторожно подошел к краю осыпи. Попытавшись наклониться над ней, он убедился, что реку и берег под обрывом рассмотреть с этого места невозможно. Сделав шаг назад, он крикнул:

– Отсюда не видно! Надо зайти с другого берега...

– Оставайтесь там, – ответили из-за кустов. – А мы попробуем спуститься к переправе и посмотреть, куда он делся. Вы нам покажете место его падения!

Оба преследователя, не сговариваясь, вложили свое необычное оружие в специальные ножны из жесткой кожи, пристегнутые к поясу, и уселись рядышком в центре площадки. Один из них достал из-за пазухи небольшой сверток и, положив его на траву, развернул. В свертке оказалось несколько нечищенных реп, кусок порезанного на шматы сала и два огурца. Второй, воровато оглянувшись, вытянул из кармана штанов плоскую металлическую фляжку и с довольной ухмылкой пристроил ее рядом с разложенными харчами.

Упав в быстрый поток, вожак погрузился метра на три, завис в толще воды, а затем, судорожно дернув лапами и резко изогнувшись всем телом, перевернулся через голову... В то же мгновение волк словно бы растворился! Вместо матерого зверя в воде суматошно заплескалось странное, несуразное существо, лишь отдаленно напоминавшее рыбу. Но вот, с трудом выровнявшись в потоке, это подобие рыбы энергично заработало тремя костистыми плавниками, забило широким плоским хвостом и, медленно набирая скорость, двинулось против течения.

«Долго мне в этом облике не продержаться! – огорченно подумал вожак, напряженно глядя в быстротекущую воду. – Значит, надо постараться убраться отсюда как можно дальше!»

Спустя полчаса в трех километрах от места падения вожака в реку, на берег, заросший лозняком, выбрался качающийся от усталости мужчина. Он не стеснялся своей наготы, словно она была для него привычна, по его правому бедру тянулся свежий шрам от совсем недавней раны. Уверенно проскользнув между густых кустов, мужчина углубился в светлый сосновый лес. Он спокойно шел между высоченных, медно-красных стволов, направляясь на юг, в сторону далеких, отсвечивающих снежными вершинами гор.

Закат застал его в лесной чаще. По походке мужчины нельзя было сказать, что дневной путь сильно его утомил. Двигался он все так же легко, свободно, совершенно бесшумно, и лесное зверье не разбегалось при его появлении. Зайцы, белки, еноты, другая лесная мелочь только настораживались при его появлении, но, убедившись, что человек не охотится, продолжали заниматься своими делами.

Миновав узкую тропу, натоптанную неизвестно кем, мужчина остановился, поднял лицо и... принялся. Затем, посмотрев направо, он задумчиво произнес:

– Жилье... одинокое... дыму от роду часа два... Значит, ужин почти готов... Посмотрим!

Он повернул на учуянный запах и зашагал все тем же быстрым, бесшумным шагом. Спустя несколько минут он вышел на опушку небольшой поляны, посреди которой стоял дом, срубленный из толстых бревен. Три нижних окна дома, смотревших на обнаженного путника, были слабо освещены, и в них порой мелькала тень человека... женщины. Мужчина несколько минут наблюдал за домом, а потом тихо отошел в глубь леса. Там он постоял несколько минут неподвижно, словно о чем-то раздумывая, и вдруг, высоко подпрыгнув, перевернулся через голову. В воздухе его фигура расплылась, превратилась в некое просвечивающее облако или переливающийся сгусток разогретого воздуха, и в следующее мгновение на месте исчезнувшего человека появился матерый волк. Никаких ран на его теле уже

не было, но хищник выглядел очень усталым. Он направился к большой куче валежника и осторожно, не потревожив ни одного сучка, заполз под нее.

Свернувшись на подстилке из мха, он неразборчиво пробормотал: «Подождем...» – и тут же заснул. Сон его был очень беспокоен, несколько раз он неожиданно открывал глаза и озирался, а однажды с его губ слетела едва понятная странная фраза:

– Как же так? Как же могло все так измениться? И так быстро измениться!

Глава 1

Лето было в самом зените. Солнце, похожее на стершуюся золотую монетку, висело в бледно-голубом, выцветшем небе и нещадно жгло замерший в полудреме стольный княжий город Край. Жаркая тишина навалилась на соломенные крыши бедных окраинных слобод, на немощные улицы верхнего города, на свинцовые кровли высокой темно-серой громады княжеского замка. Летний полдень – не время для работы.

В слободе горшечников, под плетнем, отгородившим от пыльной дороги небольшую избу с единственным крошечным окошком, выходящим на пустой двор, в чахлой, измученной зноем травке копошился небольшой, лет семи, мальчуган. Одет он был только в коротенькие порточки, голое худенькое тельце паренька загорело до черноты, и этот загар еще больше подчеркивался белой, выгоревшей копной волос, подстриженных «под горшок». Его огромные голубые глаза были распахнуты в мир со жгучим интересом детства и в то же время выдавали некий горький опыт. Мальчишка поймал жука и внимательно его рассматривал.

Когда он, оторвавшись наконец от жука, поднял голову, его открытый взгляд встретился с горящими зеленым светом волчьими глазами. Зверь с широкой белой полосой на шее, прочно расставив лапы, стоял в двух шагах от ребенка и внимательно разглядывал его лицо. Мальчик не испугался, а словно бы оцепенел. Несколько секунд паренек и огромный зверь, не мигая, рассматривали друг друга, а затем волк чуть приспустил нижнюю губу, показав острый желтоватый клык, и хрипло, нечленораздельно произнес:

– Где твоя мать, маленький изверг?

Мальчик, не отрывая взгляда от зеленых волчьих глаз, медленно поднялся на ноги, изобразил неуклюжий поклон и ответил:

– Я – сирота, господин...

Волк склонил светло-серую от пыли голову набок и еще более невнятно пробормотал:

– Жаль... У твоей матери красивые дети...

После этих слов матерый зверь повернулся, словно потеряв всякий интерес к ребенку, и неторопливой рысью направился к центру городка.

Мальчик проводил волка взглядом, а затем начал медленно отступать к калитке. Добравшись до входа во двор, он быстро юркнул за плетень, стрелой промчался к крылечку хаты и исчез за визгливо скрипнувшей дверью.

Единственная в избе полутемная комнатка казалась очень большой, но это было всего лишь следствием почти полного отсутствия мебели. Только грубо выложенный очаг, расположившийся посреди комнаты, создавал в этом убогом помещении хоть какое-то ощущение обжитости. Земляной пол приятно охлаждал ноги, но мальчишка даже не заметил этого. Быстро пробежав к дальней стене комнаты, он присел на корточки перед кучей тряпья, наклонился и, чуть всхлипывая от возбуждения, зашептал:

– Дедушка... дедушка... просыпайся скорее! Что сейчас было! Со мной многоликий говорил!

Куча тряпок зашевелилась и... успокоилась.

– Дедушка, ну, дедушка же! – снова зашептал мальчишка, запустив руки под тряпки и толкая всю кучу. – Ну, проснись же! Я тебе сейчас все расскажу.

Куча снова зашевелилась, из-под тряпок показалась огромная грубая рука, которая, пошарив по поверхности кучи, отбросила вдруг большой, толстый лоскут. Из-под него появилось широкое заспанное лицо старика. Большие, водянисто-голубые глаза бессмысленно поморгали, потом в них появилось сознание, и старик резко сел, разворошив всю кучу.

– Что случилось? – спросил он гулким, чуть охрипшим от сна голосом и протянул свою огромную ладонь к белой голове внука, словно желая убедиться, что с мальчиком все в порядке.

– Я же тебе говорю, дед, со мной только что говорил многоликий!

Дед моргнул, не глядя, протянул руку в сторону и ухватил за горло стоявший рядом глиняный кувшин. Напившись квасу, дед поставил кувшин на место, посмотрел на внука и совсем уже проснувшимся голосом поинтересовался:

– Так. Ты, значит, снова играл за плетнем?!

Мальчик от неожиданного вопроса качнулся назад, сел на пол, затем, поморгав выбеленными ресницами и понимая, что отпираться бесполезно, молча кивнул.

Дед вздохнул, укоризненно покачал головой, но ругать мальчишку не стал. Вместо этого он погладил его по голове и, умеря свой могучий бас, спросил:

– Ну, и что тебе сказал твой многоликий?

Мальчик поднял удивленные глаза и в свою очередь задал вопрос:

– Разве тебе неинтересно, какой он был?

– А я знаю, какой он был, – чуть усмехнувшись, ответил дед.

– Откуда? – У мальчишки от удивления округлились глаза, но он тут же сообразил. – Ты смотрел в окно, да?!

Дед отрицательно покачал головой:

– Ты же видел, что я спал... Просто я могу догадаться, что это был волк... ну, может быть, человек, хотя в человеческом облике многоликие по нашей улице не ходят...

– А может, это был ивачь?

– Ну да, – насмешливо оборвал внука дед, – ивачь специально спустился на нашу пыльную улицу с небес, чтобы посмотреть на вот это чудо красоты!

И он легко ткнул в маленький нос внука своим заскорузлым пальцем.

– Да, – мальчишка почесал вихрастую макушку, – это действительно был волк... Но, знаешь, он был такой огромный, с вот такими зелеными глазами!

Мальчишка свел свои ладони, показывая, какие огромные глаза были у волка.

– И еще у него на шее была вот такая белая полоса! – Малец азартно мазнул ладошкой по своему горлу.

– И что же он тебе сказал? – спросил дед.

– Он... – Мальчик на мгновение замялся. – Он спросил, где моя... мама... – Дед внимательно посмотрел на внука, и тот, не дожидаясь вопроса, произнес: – Я ответил, как ты учил... Что я – сирота...

– Он что-нибудь еще сказал? – мягко поинтересовался дед.

Мальчишка отрицательно покачал головой и, спустя мгновение, добавил:

– Он сразу убежал... В город...

Дед снова протянул руку к кувшину, но вдруг остановился, а затем начал с кряхтением выбираться из своей кучи.

– Дедушка, – чуть отодвинувшись, воскликнул внук, – а ты разве уже встаешь? На дворе еще очень жарко!

– Ничего, – добродушно буркнул дед, – раз уж ты, Вотушка, меня разбудил, не имеет смысла снова укладываться! Пойду-ка я лучше поработаю, а вечером, по холодку, отдохну.

– Тогда ты вечером расскажешь мне про моего прадеда? – с загоревшимися глазами спросил мальчишка. – Про многоликого Вата?

Дед взглянул на внука, коротко вздохнул и кивнул:

– Расскажу...

Подняв с пола свой кувшин, дед шагнул к выходу. Мальчик вскочил на ноги и припустился следом.

Выйдя на крыльцо, дед внимательно оглядел плавающую под знойным солнцем улицу. Она была пуста, но на плотной белой пыли немощеной дороги четко отпечатались крупные пятипалые лапы. Следы пролегали точно посреди улицы и только возле их избы делали петлю.

«Многоликий действительно был... огромен! – с внезапно появившейся тревогой подумал дед. – Уж не сам ли вожак, не сам ли князь Всеслав, разговаривал с моим внучком?»

Сзади в него уперлась детская ладошка, и внук звонко спросил:

– Дед, можно я тебе помогу?

– Пойдем, помощник, – усмехнулся дед и двинулся вдоль недавно побеленной стены за угол. За хатой был пристроен небольшой дощатый сарай, в котором располагалась мастерская. Дверь сарая, даже не дверь, а скорее калитка, висела на ременных петлях и вряд ли могла служить преградой для воров. Хотя, правду сказать, в мастерской мало что могло привлечь внимание вора – несколько неплохих ножей, вот, пожалуй, и все. Однако отыскать этот инструмент было довольно трудно, он прятался под ворохами лыка, свернутыми кольцами разной толщины веревками, вязками свежих ивовых ветвей, стопками различных деревянных колодок, от огромных – для хоромных туесов, до крошечных – под детские лапоточки.

Дед Ерохта зарабатывал на жизнь плетением, правда, жизнь его не была богатой, но на хлеб, квас да по праздникам на пряник для внука Вотши им хватало.

День перевалил за середину, и жара начала постепенно спадать. На улице стали появляться слободские жители, ребяташки принялись бегать взапуски, поднимая дорожную пыль. А когда солнце опустилось за дальний окаем леса, с лугов пришло стадо. Коровы, овцы, козы разбрелись по дворам, но к хате деда Ерохты не повернула ни одна животина. Наконец в потемневшем небе проблеснула первая звезда, дед с внуком закончили работу и вернулись в избу.

Умывшись и причесавшись, старик и мальчишка направились к большой, ровно опиленной плахе, служившей столом. Дед зажег лучину, заранее вставленную в светец, достал с полки, висевшей над столом, большой каравай темного хлеба, кувшин с квасом и две грубо вылепленные кружки. Разлив квас и отрезав от караваев два ломтя, он убрал хлеб на полку и уселся на маленький чурбак, стоявший у «стола».

– Ну вот, внучек, – устало проговорил дед, – поработали мы с тобой сегодня очень хорошо, сейчас поужинаем и с чистой совестью можем лечь отдыхать...

– А про прадеда рассказать? – уныло протянул Вотша. – Ты же обещал!..

– Расскажу, конечно... – улыбнулся дед, – раз обещал.

И они приступили к ужину.

Ели спокойно и делово, подставляя ладони под куски хлеба и запивая его шипучим квасом. Когда трапеза была закончена, Ерохта вышел во двор сполоснуть кружки, а Вотша забрался в кучу тряпья, служившую им обоим постелью. Дед вернулся, поставил кружки на полку и, задув лучину, улегся рядом с внуком. Мальчишка лежал тихо, его дыхания не было слышно.

«Ожидает...» – усмешливо подумал старый Ерохта, а вслух спросил:

– Ну, ты не спишь? Рассказывать, что ли?

– Рассказывай! – немедленно отозвался внук. – Я слушаю...

Ерохта немного помолчал, собираясь с мыслями, вздохнул и начал свой рассказ.

Дозорная стая была невелика – всего пятеро волков, но все пятеро были матерыми, мощными зверями, опытными воинами и следопытами. Ват, вожак дозорной стаи, огромный волчара со странным, темным, почти черным, хвостом, мог спокойно положиться на любого из них. Дозор покинул общий лагерь шестеро суток назад, вожак стаи послал их разведать

путь через земли рысей, наметить скрытые тропы, места стоянок, водопой, и вот теперь они возвращались назад. Еще сутки – и дозор выйдет в свои земли.

Волки бежали по опушке светлой березовой рощи, сливаясь с кустарником подлеска, а в полуверсте от них у неширокой голубоватой ленты реки виднелись крыши большого села рысей.

«Может, дождемся ночки, да и заглянем к рыськам? – донеслась до Вата охальная мыслька самого младшего из его стаи, рябого Теньти. – У рысек, говорят, девки – мед!»

«Да для тебя все девки – мед! – немедленно отозвался дружок Теньти, рыжий Кохта, и тут же „подначил“ друга: – Только вот беда, нет среди рысьих девок рябых!»

«А мне и гладкие сойдут! – отхмыльнулся Теньтя. – Главное, чтоб их побольше было!»
Теперь уже осклабилась вся стая.

«Это хорошо, что у ребят настроение бодрое», – подумал про себя Ват, а для всех остальных мысль у него была другая: «Потише, потише... А то мыслишки-то ваши вороватые рыси учуют, будут вам тогда рысьи девки! И повнимательнее... роща кончается!»

Роща действительно кончилась, до ближайшего леса, настоящей непроходимой чащи, было с версту, но пройти эту версту предстояло по открытому выкошенному лугу, только несколько невысоких кустиков, да пара-тройка деревьев могли служить волкам хоть каким-то укрытием... А с сельских огородов, где копошились несколько баб с ребятишками, голый луг просматривался до самой лесной опушки!

Ват остановился в легкой тени последней березы и прилег в высокую траву. Нет, трава не скрывала волка, он просто хотел немного поразмыслить и хотя бы приблизительно наметить «тропу», по которой стая пойдет к лесу. Волки, следовавшие за Ватом, тоже прилегли. Никто больше не зубоскалил, все ждали решения вожака.

Минуты через три Ват отдал команду:

«Двигаемся двумя группами, Теньтя и Кохта идут к ветле, он нее к крайнему кусту боярышника, за ним, видите, отводная канава? По ней до межи. От межи придется броском до опушки. Постарайтесь поймать момент, когда бабье в землю носом уткнется. Остальные за мной. Если все-таки нас заметят, будем уходить на скорость! В любом случае встречаемся на опушке».

«Понято...» – в одну мысль ответила стая. И вдогонку этой мысли снова ухмыльнулся Теньтя: «А мы все ж поближе к рыськам пойдем... Хоть нюхнем девок-то!»

«Смотри, чтобы вас не унюхали!» – окоротил охальника Ват.

Волки разделились. Двое вслед за вожаком поползли по едва заметной колее, дугой огибавшей луг. Некошеные края колеи поросли чуть более густой и высокой травой, чем все остальное луговое пространство, так что вожака и его товарищей практически не было видно. А вот на долю Теньти и Кохты выпала очень трудная задача.

Миновав около сотни сажений, вожак остановился и сразу услышал одного из своих товарищей:

«Ват, ты зачем ребят по лугу послал, за этим бурьяном мы все вместе живо проскочили бы!»

«Проскочил бы ты! – не оборачиваясь, ответил вожак, чуть дернув темным хостом. – Роща-то чистая была, а что делается в лесу, ты ведаешь? А если у рысей там сторожа?! А рыси, сам знаешь, на деревьях сторожи ставят! Вот они сверху-то нас всех и высмотрят... Теперь же ребята, если что, их отвлекут, а мы с другой стороны к опушке подберемся! Понял?»

Волки понимали, что последний вопрос вожака, в общем-то, риторический, однако на него положено было отвечать, а потому спросивший неохотно подумал: «Понял».

Вожак снова двинулся вперед. Ему и самому очень хотелось приподнять голову над травяной завесой, посмотреть, как там дела у «молодых», но делать этого было нельзя! И вожак полз вперед, стараясь как можно быстрее добраться до опушки уже недалекого леса.

Когда до цели оставалось не более двадцати саженей, вожак услышал скрученную от напряжения мысль ползущего следом за ним волка:

«Ват, смотри, красная сосна на опушке, шестая ветка снизу».

Вожак вскинул взгляд в указанном направлении и сразу же разглядел серовато-рыжую тень, сливавшуюся с медно-красным стволом сосны.

Рысь!

Совсем небольшая рысь, частью спрятавшаяся за стволом сосны, не отрываясь, смотрела в сторону луга.

«Наших увидела!» – пахнула новая мысль сзади.

«Только еще не все поняла...» – дополнил мысль своего товарища третий волк.

«Вперед!» – приказал Ват, и волки снова двинулись к опушке леса, теперь уже держа направление на приметную сосну и не сводя взгляда с рысей сторожи.

Спустя пару минут рысий наблюдатель, похоже, определился с ситуацией – его гибкое тело исчезло на мгновение из поля зрения подбирающейся к сосне стаи, а затем волки увидели, что рысь быстро скользит по стволу вниз.

«Его родичи далеко! – ликующе воскликнул Ват. – У него нет прямой связи с ними!»

И тут же огромный волк вынырнул из скрывавшей его травы и метнулся к сосне. Рысь, увидев новых противников, в нерешительности замерла на полпути, а затем неожиданно прыгнула вниз!

Но до земли зверь не долетел, перевернувшись в воздухе через голову, он на мгновение словно бы растворился в воздухе, а затем вдруг снова появился, но... Теперь это был большой черный ворон! Раскинув широкие крылья, тяжелая птица заложила крутой вираж и стала быстро набирать высоту.

Вожак, мчавшийся на перехват противника, и не подумал останавливаться. На полной скорости он неожиданно бросил свое тело вверх, словно надеясь допрыгнуть до уходящего в небо ворона, и в самой высокой точке своего прыжка тоже перевернулся через голову. Снова в воздухе появилось размытое серовато-прозрачное пятно, из которого через мгновение вырвался огромный голубовато-серый ивачь!

Двухметровые крылья пернатого гиганта ударили воздух, и вожак в одно мгновение почти настиг крошечного по сравнению с ним ворона. Тот, увидев погоню, заметался, но путь в сторону села был ему отрезан. Черная птица, уже поднявшаяся над верхушками деревьев, камнем упала вниз и, петляя между стволами, попыталась скрыться, спрятаться от своего страшного противника. Однако ивачь и не подумал преследовать ворона между ветвями, вместо этого он поднялся еще выше, зорко отслеживая метания ворона среди деревьев, а спустя несколько мгновений великан вдруг сложил свои огромные крылья и камнем упал в лес. Послышался короткий придушенный крик, слабый хруст сухого валежника под деревьями, и все стихло.

Через несколько минут волки собрались около своего вожака, сидевшего на упругом ковре сопревшей хвои под серой сумрачной елью. Рядом с ним лежал невысокий молоденький паренек с порванным горлом.

«Закопайте его, ребята... – прозвучала грустная мысль вожака, – а то я что-то устал...»

Четверо волков в очередь вырыли лапами неглубокую яму, столкнули туда тело молодой убитой рыси и, забросав его землей, аккуратно восстановили хвойный покров.

«Теперь уходим! – скомандовал Ват. – Идем лисьим ходом... Хотя рысей мы вряд ли обманем!»

Но погони за ними не было, сторож рысей не успел сообщить своим об увиденных им волках. Спустя сутки дозорная стая вернулась в свой лагерь, а еще через двое суток целая сотня волков, возглавляемая самим князем, незаметно прошла землями рысей к границе удела кабанов и растерзала три деревни!

Старый Ерохта умолк, а затем негромко добавил:

– Вот каким был твой прадед...

Вотша немного помолчал, словно никак не мог вернуться к действительности, а затем шепотом спросил:

– Но почему же люди такие разные – есть многоликие, а есть...

Он не договорил, но дед и так понял его тоскливый вопрос.

– Я же тебе уже рассказывал, – печально проговорил он. – Когда-то все люди были многолики. Но давным-давно волхвы, самые умные и знающие из многоликих, нашли способ лишать людей многоликости. Сначала это проделывали над пленными или над предателями племени, затем стали это делать с женщинами, чтобы они вынашивали и рожали детей, потом и вовсе... – Дед, не договорив, вздохнул и закончил мысль: – Но лишенный многоликости человек – тот же калека, может быть, даже самый покалеченный из калек, а многоликие калек презирают. Вот они и дали нам прозвище «изверги»... ну, вроде бы как они нас извергли из стаи. И относятся к нам, как к ничтожествам.

– Но если мой прадед был многоликим, как же получилось, что ты, дед, не многоликий? Тебя, выходит, лишили многоликости? За что?

Голос Вотши звучал негромко и вроде бы спокойно, но сна в нем не было, а была жгучая обида.

– Меня? – удивленно переспросил Ерохта и, приподнявшись, заглянул внуку в лицо, затем, снова улегшись, горько хмыкнул: – Это, Вотушка, другая история... Расскажу и ее... как-нибудь в другой раз. – А затем, словно бы рассердившись, сурово добавил: – Спи давай! Замучил уже меня – расскажи да расскажи!!

И демонстративно отвернувшись от внука, засопел.

Вотша еще долго лежал в темноте, уставившись широко открытыми глазами в крошечное окошко хатки. Он представлял себя на месте своего прадеда. Вот он в лике могучего волка, вот в лике ивача, парящего в небесах, а вот в лике страшного, неостановимого секача!

А в окне, почти точно в его середине, сверкала оранжевая звезда – Волчья звезда! Звезда стаи восточных волков! Она давала каждому волку стаи удачу, она хранила их от напастей и бед, она защищала их от врагов и дарила победу! Вот только маленькому Вотше она ничего не могла подарить – он не был волком, он был... извергом!

Поэтому Вотша и не смотрел на звезду, поэтому он и отдавался своим видениям!

Но постепенно ночь взяла свое, и маленький мальчик заснул...

Ночь всегда берет свое!..

А в это время в центре города, в княжеском замке, кипел весельем поздний пир. Князь Всеслав и пятеро его спутников вернулись из дальнего путешествия, и княгиня Рогда устроила мужу торжественную встречу. Почти вся стая князя, все волки, находившиеся в это время в стольном городе, собрались в пиршественном зале замка и в замковом дворе, где тоже были накрыты столы. Без малого шестьсот человек одновременно подняли кубки за здоровье и славу своего князя, своего вожака!

После второго тоста Всеслав вышел на крыльцо, и двор, заполненный простыми воинами, взорвался приветственными криками. С довольной улыбкой оглядел Всеслав орущих мужиков, приветственно помахал им рукой, и тут же под сердцем закопошилась змея тревоги. Удалось-таки Ратмиру растревожить, смутить князя.

«И зачем я его привел с собой! – недовольно подумал Всеслав, вспомнив своего младшего брата. – Пусть бы он продолжал сидеть в своей Звездной башне, как безвылазно сидел до этого почти сорок лет!! Нет, захотелось мне похвастать перед ним своей мощью, своей стаей, ведь это и его стая, а он...»

Князь еще раз махнул рукой, но на его лице уже не было довольной, торжествующей улыбки. Он повернулся и быстро прошел в пиршественный зал, к своему месту на возвышении, уселся на стул с высокой прямой спинкой, вдруг лицо его скривилось в презрительной гримасе.

«Даже этим возвышением он меня попрекнул! – с неожиданной ненавистью подумал он о брате, и в то же мгновение сердце полоснула страшная догадка. – А может, он сам метит в вожаки? Может, надоело ему сидеть в Звездной башне и рассматривать ночное небо да сочинять эпистолы к таким же, как он сам, затворникам?»

Князь бросил острый взгляд в сторону ближнего стола. Там, рядом с самыми близкими вожаку сородичами, сидел и его брат, Ратмир. Молодой еще человек выделялся среди окружающих его воинов и одеждой – на нем красовалась темная хламида дважды посвященного служителя Мира, или, как их называли здесь, на востоке, – волхва, и спокойной трезвостью умного лица. Сейчас Ратмир, прихлебывая из кубка легкое кисловатое вино, с едва заметной улыбкой следил за разгорающимся за столом спором о достоинствах диких южных лошадей.

«Нет! – К князю вернулось спокойствие. – Никогда его не примет стая. Пусть он умен, пусть умеет повернуться к Миру восемью гранями, но стае нужен вожак-воин, вожак-защитник! Какая может быть защита от этого ученого... одиночки? Он и оружие-то в руках как следует держать не умеет!»

Всеслав наклонился к княгине и с довольной улыбкой спросил:

– Хочешь, я тебя повеселю?

Красавица Рогда посмотрела на мужа, вытерла губы чистой льняной салфеткой и, вернув улыбку, ответила:

– Хочу... Ты что, новых скоморохов с собой пригнал? А я и не заметила!

Князь весело расхохотался собственной мысли: «Ха! Скоморохов!! А ведь он действительно – скоморох!»

– Сейчас я покажу тебе... скомороха! – объявил он, отсмеявшись, и громко позвал: – Ратмир, поднимись ко мне.

Брат отвлекся от разговора своих соседей по столу, удивленно посмотрел в сторону княжеского стола и не слишком уверенно поднялся со своего места.

Всеслав сделал знак одному из прислуживающих на пиру извергов, чтобы тот поставил к столу еще один стул, и указал Ратмиру на это место. Брат поднялся на помост и чуть настороженно присел на краешек стула. Вожак стаи, заговорщицки подмигнув жене, обратился к брату:

– Ну, как тебе нравится мой замок? Мои волки? Мой ужин?

Ратмир внимательно посмотрел брату в глаза, потом едва заметно покачал головой и чуть подвинулся, тверже усаживаясь на стуле.

– Крайский замок очень хорош, – начал он спокойным «лекторским» тоном. – За те тридцать с лишним лет, что я отсутствовал, он здорово изменился... Сегодня, я думаю, эту крепость не сможет взять ни одна стая. И для жизни замок стал гораздо удобнее, теперь он – по-настоящему жилой. Стая, которую ты водишь, тоже очень хороша – многолюдна, сыта, хорошо вооружена. Да и твой ужин показывает, насколько людям вольготно живет в этой стае.

– А-а-а! – довольно протянул Всеслав. – Стало быть, ты признаешь, что я хорошо управляю стаей?

Ратмир неожиданно улыбнулся, и его лицо сразу же стало проще и привлекательней.

– Разве я говорил, что ты плохо управляешь стаей?

– Да ты же мне все уши прожужжал, пока мы шли домой! – возмущенно воскликнул Всеслав. – Мы неправильно живем! Мы неправильно живем! Мы неправильно живем!

Улыбка исчезла с лица Ратмира, черные брови сошлись над переносицей, и он повторил вслед за братом:

– Мы неправильно живем!

– Это почему же? – вмешалась в разговор княгиня. – В чем ты видишь... неправильность?

Ратмир перевел свой серьезный взгляд на княгиню, словно прикидывая, насколько она способна понять его рассуждения. Всеслав усмехнулся, догадавшись о сомнениях брата, и сквозь зубы произнес:

– Поделись с моей женой своими сомнениями. Она женщина умная... не только головой, сердцем умная, она твои сомнения... рассеет!

Ратмир едва заметно пожал плечами и заговорил, обращаясь к Рогде:

– Я, как ты знаешь, живу в уединении, но это не значит, что мне неизвестно, что происходит в Мире, как живут стаи. Кроме того, у меня есть время подумать о происходящем... Оценить его.

Он снова бросил быстрый взгляд на княгиню, и та, словно бы подбадривая его, кивнула.

– Ты наверняка и сама видишь, как изменилась жизнь со времен твоего детства?

– Она и должна была измениться, – снова улыбнулась княгиня. – Это было бы странно, если бы жизнь застыла в неизменности!

– А какие, на твой взгляд, главные изменения произошли в жизни? – неожиданно поинтересовался Ратмир.

– Ну... – Рогда на секунду задумалась, а затем пожала плечами. – Много всякого произошло, я как-то не задумывалась об этом. Раз что-то изменилось, значит, пришло время старому уйти, новому прийти...

– Все правильно. – Ратмир кивнул головой. – Тебе и не надо вникать в эти изменения. А вот Всеславу необходимо видеть их и... оценивать! Именно про это я ему и «прожужжал все уши»!

Он посмотрел на брата, а затем снова обратился к Рогде:

– Вот о чем я ему твердил. Во-первых, практически во всех стаях перестали выбирать вожаков! Еще четыреста лет назад на смену одряхлевшему, не способному уже руководить стаей вожаку приходил самый сильный, самый опытный и умелый человек. Стая сама выбирала его и действительно выбирала достойного, потому что от вожака зависело будущее всей стаи! А теперь... Теперь вожак, еще будучи в силе, старается привести на свое место своего же отпрыска – сына, внука...

– А чем это плохо? – удивленно переспросила Рогда. – Ведь сын или внук вожака, конечно же, лучше всех знает, как управлять стаей. Он же учится этому с младых когтей у самого вожака!

– Плохо то, что вожак не смотрит, насколько его отпрыск способен водить стаю, насколько он умен и отважен. Плохо то, что по-настоящему способные люди уже не могут занять подобающее их способностям место, ведь конкурентов своего отпрыска вожак так или иначе старается... убрать! А это обескровливает стаю, ослабляет ее!

– Ну, в моей стае такого нет! – излишне резко возразил Всеслав. – Если мой Святополк займет мое место, он сделает это по праву и при поддержке всей стаи!

– В нашей стае такого нет? – горько переспросил Ратмир. – А ты вспомни Вата! Разве не он должен был быть избран вожаком после нашего деда? А вместо этого...

– Ват был предателем! – в ярости рявкнул Всеслав. – Он предал стаю! Из-за него погибли шестеро лучших волков! За это он и понес заслуженное наказание!

Вожак жадно припал к кубку с вином, словно сказанные слова ободрали его горло, а Ратмир смотрел на брата горьким взглядом. Когда же тот допил и со стуком поставил кубок на стол, Ратмир негромко произнес:

– Ты можешь рассказывать эту выдумку вот им. – Он коротко кивнул в сторону гуляющих дружинников. – А я знаю, за что и как был наказан Ват. Сейчас ты говоришь, что твой сын возьмет власть, только если он будет ее достоин. Но Святополку только двадцать лет, я посмотрю, как ты заговоришь и что ты... сделаешь, когда поймешь, что у него в стае есть достойные соперники!

Князь в ярости скрипнул зубами и резким движением снова наполнил свой кубок, расплескав вино по скатерти.

– Но это не самое страшное... – медленно, словно бы устало произнес Ратмир и, посмотрев в испуганные глаза княгини, неожиданно спросил: – На сколько, сестрица, увеличилось в Крае количество извергов, ну хотя бы за те годы, которые я отсутствовал?

Княгиня явно растерялась и неуверенно пробормотала:

– Так кто же их будет считать?

– Да, их никто не считает, – с горечью согласился Ратмир. – А стоило бы...

– Зачем? – удивленно переспросила Рогда, а Всеслав, оскалась в кривой усмешке, зло пробормотал:

– Это еще одна умная догадка моего ученого братца! Он, видишь ли, считает, что изверги могут нам угрожать.

– Да чем же?! – изумленно воскликнула княгиня.

И снова Ратмир задал неожиданный вопрос:

– У тебя сколько детей, княгиня?

– Ты же знаешь, двое, – недоуменно ответила Рогда.

– А сколько в стае еще семей, где было бы двое ребятишек?

Княгиня посмотрела на мужа и чуть пожала плечами:

– Да... вроде бы больше нет таких...

– А вообще, сколько в стае детей?

Княгиня на секунду задумалась, а потом уверенно ответила:

– Двадцать один.

– Ты, Всеслав, гордишься тем, что сейчас в замке пируют почти шестьсот человек... – обратился Ратмир к вожаку стаи. – И вот у этих шестисот человек всего двадцать один ребенок!

– Рогда говорит только о... многоликих!.. – вскинулся уже порядком захмелевший князь. – А маленьких полуизвергов наберется не меньше тысячи!

– А вы полуизвергов принимаете в стаю? – с интересом переспросил Ратмир.

– Редко... – нехотя ответил вождь. – Это роняет престиж стаи!

– Но ты же знаешь, – вмешалась в разговор княгиня, – родить многоликого очень тяжело! Женщине приходится девять месяцев существовать, повернувшись к Миру только одной гранью, а это далеко не каждой по силам!

– Правильно, – кивнул Ратмир, – редкая женщина выдерживает весь срок беременности, потому-то твой случай – двое детей – уникален! А к своим детям от извергинь люди относятся с... презрением!

Он посмотрел по очереди на обоих супругов и огорченно покачал головой:

– Вы вот сказали, что не знаете, сколько в Крае извергов, так я вам скажу. Судя по величине города, их не менее десяти тысяч... Я говорю только о взрослых извергах! Это

значит, что княжеский замок окружает, по меньшей мере, четыре с половиной тысячи семей, в каждой из которых от семи до десяти ребятишек!

– Зато изверги живут, в лучшем случае, семьдесят лет, а многоликие в худшем – двести! Да и что могут изверги сделать многоликому? – Князь пьяно расхохотался, и Рогда с тревогой посмотрела на мужа.

– Они уже делают... – спокойно ответил Ратмир. – Посмотрите, вы сами себя называете именем, данным нам извергами – многоликие! А ведь у нас есть и собственные названия для своего рода – люди, первые! Мы не говорим «многоличье» мы говорим – «многогранье», но вы пользуетесь прозвищем, придуманным извергами, и этим, сами того не замечая, уже ставите их на один уровень с собой!

– Как это? – снова удивилась княгиня. – С чего ты это взял?!

– По логике их речи мы – многоликие, они – изверги... Но и те, и другие – люди... человеки! Во всяком случае, изверги считают именно так! И вы, принимая их... терминологию, поддерживаете эту их уверенность!

Рогда растерянно посмотрела на мужа, не зная, что возразить деверю.

– Но ты, брат, видимо, имел в виду другое, – повернулся Ратмир к Всеславу. – Один изверг действительно ничего не может сделать человеку. И двадцать – ничего, и сто... А вот тысяча!..

И он многозначительно замолчал.

Однако Всеслава, видимо, не испугал многозначительный тон брата, подняв руку и покачав пальцем перед носом Ратмира, он заговорил в пьяном кураже:

– Не надо меня пугать, братец! Ты сам прекрасно знаешь, что стоит мне повернуться к Миру другой гранью, и любое оружие извергов, даже если они когда-нибудь научатся владеть оружием, будет бессильно против меня, в худшем случае я получу небольшую рану! Меня, волка, меня, медведя, меня, ивача, не достанет ни одно оружие этого Мира, разве что поцарапает! А вот я, своими клыками, своими когтями, своим клювом, достану любую тварь этого Мира!!! Кроме того, если я посчитаю, что моя стая недостаточно велика, то просто пошлю своих ребят по деревням извергов, и через девять месяцев она станет в два раза больше! Сами изверги прекрасно знают не только то, что они бессильны против нас – людей, но и то, что, если мы захотим, они будут рожать таких, как мы, и при этом еще будут нам благодарны! Да, да, извергини будут счастливы родить ребенка от человека! Так кто кого должен опасаться? – Он посмотрел в лицо брату хмельным горящим взглядом и с довольной ухмылкой закончил: – Вот они меня и боятся! Боятся до дрожи в коленках, до холодка вдоль хребта, до пресечения дыхания! Я решаю: жить им или умереть. Так было, так есть и так будет во веки веков!

– Так было, так есть... – спокойно согласился Ратмир. – Но... как верно сказала твоя умница-княгиня, Мир меняется... И кто знает, какие изменения придут в этот Мир завтра?!

Всеслав откинулся на спинку стула и вяло махнул рукой:

– Я смотрю, вас, волхвов, стаи слишком хорошо кормят и у вас слишком мало забот! Вот вам в головы и лезут всякие... странные мысли! Как ты вообще мог додуматься до сравнения человека с извергом?!

Ратмир долго молча смотрел на брата, а затем негромко произнес:

– Вспомни Вата... Он был одним из лучших в стае, а стал извергом! Конечно, он потерял многогранность, но человеческие-то качества у него должны были сохраниться! И он не покончил с собой после того, как его лишили многогранья, а ведь многие ожидали именно этого. Нет, он прожил отпущенный ему срок, и прожил достойно! – И вдруг он снова улыбнулся. – Я сегодня видел одного из его потомков... Совсем маленький мальчишка, но удивительно похож на Вата!

Всеслав вскинулся:

– Ват умер сорок лет назад...

Ратмир удивленно приподнял бровь и пожал плечами:

– Я сказал только, что мальчик очень похож на Вата... И больше ничего!

Но Всеслав его уже не слушал. Голова князя упала на грудь, тело расслабилось, рука, державшая кубок, сползла со столешницы и выронила драгоценный сосуд.

Когда подала короткий знак, и тут же к князю с двух сторон подскочили изверги-слуги. Осторожно подняв князя, они быстро вынесли его из пиршественной залы и в сопровождении княгини поспешили к княжеской спальне. Всеслав, казалось, полностью отдался пьяному, беспробудному сну. Но когда слуги, стянув с него жесткое парчовое платье, укрыли тяжелое тело прохладными простынями, он неожиданно открыл глаза и, обращаясь к стоявшей рядом с постелью жене, произнес неожиданно трезвым голосом:

– Пошли Скала и Искора в город. Они сопровождали Ратмира и должны знать, где он встретил того мальчишку. Пусть приведут его в замок, я хочу его видеть завтра утром!

Когда молча кивнула в ответ.

Ратмир, оставшись за княжьим столом в одиночестве, задумался. Зал практически опустел, только несколько завязтых питухов все еще буянили за одним из столов, да изверги-слуги сновали по залу, прибирая со столов дорогую посуду.

«Бесполезно... – горько думал Ратмир. – Ни один из вожаков не думает о будущем. Всех их тревожит только сегодняшний день! И Совет посвященных не хочет заниматься этим! Посвященные почему-то считают себя выше мирских дел...»

К нему неслышно подошла молоденькая девушка и, смиренно опустив глаза, проговорила:

– Господин, ваши покои готовы, если вы хотите отдохнуть, я вас провожу.

Ратмир поднял глаза и взглянул на извергиню. Лет ей было не более четырнадцати, ее личико с небольшим, чуть вздернутым носиком, полными ярко-красными губками и длинными, пушистыми ресницами дышало свежестью. Простая прямая белая рубашка с подолом до щиколоток босых ног скрывала тело девушки, но спрятать высокую, упругую грудь она не могла. Брат князя встал со стула и негромко произнес:

– Ну что ж, проводи меня, красавица. Мне действительно надо отдохнуть.

Девушка быстро повернулась и легкой, летящей походкой направилась к боковым дверям, выведившим из пиршественного зала в правое крыло замка.

Гостевые покои, предназначенные для приезжавших к князю Всеславу посланцев из других стай, были на этот раз целиком отданы в распоряжение Ратмира. Молоденькая извергиня провела волхва по длинной анфиладе небольших комнат в главный зал покоев. Из зала, отделанного панелями редкого розового дерева, выходило две двери. Девушка направилась к той, что располагалась справа, и за ней, пройдя недлинным, узким и темноватым коридором, ввела Ратмира в большую спальню. Огромная кровать под роскошным шелковым балдахинном была тщательно застелена, угол темно-синего легкого покрывала аккуратно отогнут, чтобы показать идеально растянутые голубые простыни.

Девушка остановилась у входа в спальню, и когда Ратмир прошел мимо нее в комнату, негромко произнесла:

– Если господину что-то нужно, я немедленно принесу...

– А если мне ничего больше не нужно? – с легкой улыбкой спросил волхв.

– Тогда я, с позволения господина, оставлю его, – не поднимая глаз, ответила девушка.

– А разве ты не разделишь со мною ложе, чтобы... согреть его? – спокойным, чуть надменным тоном поинтересовался Ратмир, и его вопрос, учитывая стоявшую на улице жару, прозвучал издевкой – жесткой, требовательной издевкой!

На одно мгновение девичьи ресницы взмыли вверх, и волхва обжег испуганный взгляд темных глаз. Девушка чуть откачнулась назад, и с ее щек сбежал румянец, однако голос ее, прозвучавший чуть тише, был все так же ровен и спокоен:

– Если господин мерзнет, я готова принести ему постельную грелку, а в спальне поставить жаровню.

– А вот этого не надо! – Ратмир высокомерно вскинул голову. – Ты прекрасно поняла, о чем я говорю!

Он несколько секунд помолчал, а затем снова спросил:

– Так ты готова разделить со мной ложе?

– Если господин этого потребует... – еле слышно пробормотала извергиня.

– Ты хочешь сказать, что сделаешь это против собственного желания? – переспросил ее волхв.

Девушка молча кивнула.

– Почему? Разве для тебя не лестно было бы стать наложницей человека и, может быть, родить от него ребенка?

На этот раз девушка отрицательно помотала головой.

– Почему?! – снова спросил Ратмир и, шагнув к девушке, двумя пальцами приподнял за подбородок ее опущенную голову. – Смотри мне в глаза и рассказывай!

Голос волхва звучал жестко, почти угрожающе.

Лицо девушки было запрокинуто кверху, однако опущенные ресницы по-прежнему прикрывали глаза. Не пытаясь освободиться от упертых в ее подбородок жестких пальцев, она негромко заговорила:

– Если я потеряю девство до брачного обряда, от меня отвернутся все родственники, а отец проклянет... Так будет, даже если я сама ни в чем не буду виновата... Господин тоже не женится на мне – зачем ему, многоликому, жена-извергиня!

– А если я официально признаю тебя своей наложницей? – все тем же жестким тоном спросил Ратмир.

– Вы попользуетесь мной некоторое время, а потом выбросите, как ненужную вещь, – не открывая глаз, проговорила девушка. – А мой позор останется со мной!

– Почему обязательно – выброшу?! – Волхв презрительно приподнял правую бровь. – Я отпущу тебя домой и дам богатое приданое!

– Даже с самым богатым приданным никто не согласится принять на себя мой позор...

Молоденькая извергиня старалась говорить спокойно, но в ее голосе уже чувствовались едва сдерживаемые слезы.

Ратмир наконец-то отпустил ее подбородок, и она тут же снова опустила лицо.

– Значит, постель человека для вас теперь считается несмываемым позором? – медленно проговорил он и замолчал, словно ожидая ответа на свой вопрос. Однако девушка стояла тихо, почти не дыша. – Да, я действительно очень давно не был дома, не был в стае... Тридцать восемь лет назад извергиня, взятая в наложницы и родившая дитя от человека, считалась у извергов очень достойной женой...

Девушка продолжала молчать, уставившись в пол. Ратмир медленно вернулся к кровати, уселся на покрывало и устало произнес:

– Можешь идти, мне больше ничего не надо.

Девушка быстро метнулась к выходу, но была остановлена в дверях властным окриком:

– Стой!

Она замерла, а волхв спокойным, даже каким-то ласковым голосом спросил:

– Как тебя зовут?

– Мила... – негромко ответила извергиня, повернувшись лицом к волхву, и он снова увидел быстрый взгляд, брошенный ему в лицо из-под взметнувшихся темных ресниц.

Ратмир лениво взмахнул рукой:

– Ступай, Мила, и прикрой за собой дверь поплотнее...

Девушка немедля выскочила за порог и аккуратно без стука закрыла дверь.

«Вот еще одно доказательство изменений, пришедших в Мир, – устало подумал Ратмир. – Извергини уже не считают честью забеременеть от... многоликого, как все еще думает мой дорогой братец! И неизвестно, что случится, если он пошлет своих волков по деревьям извергов!.. Но значит – и я ошибаюсь, добиваясь хоть какого-то равенства для извергов, какой смысл давать права людям, рожденным извергинями, если для извергов ребенок от человека ненавистен, если он – „несмываемый позор“ для его матери! Но самое страшное, что и это изменение в Мир привели мы сами... Вернее, наша жестокость, несправедливость... наше высокомерие!»

Он встал с кровати, медленно разделся, аккуратно повесил свою темную хламиду на вбитый в стену деревянный костыль и забрался под прохладное покрывало. Сон к нему пришел не сразу.

Ранним утром следующего дня, задолго до восхода солнца, когда город только готовился к пробуждению, на тихой улочке слободы горшечников появились двое всадников. Князьи ратники из старшей дружины, высокие, статные, широкоплечие мужи, были одеты в одинаковые темно-серые рубахи с приколотыми справа бронзовыми бляхами в виде волчьих голов, зимой скреплявшие ворот плаща, такие же темно-серые порты, высокие черные сапоги. На их головах красовались плоские, прикрывающие уши, картузы. Оружия в их руках не было, да здесь оно им и не было нужно.

Дружинники уверенно направили лошадей к домику старого Ерохты и, остановившись у калитки, спрыгнули на землю. Один из них остался около плетня, держа лошадей под уздцы и зорко поглядывая по сторонам, а второй небрежным пинком распахнул калитку и вошел во двор. Не доходя нескольких шагов до дверей хатки, он зычно гаркнул:

– Эй, хозяин, дверь открывай!

Дверь распахнулась в тот самый момент, когда подошедший дружинник уже собирался повторить свой небрежный пинок. На пороге стоял дед Ерохта, щурясь со сна и пытаясь разобрать, кто это так бесцеремонно орет. Разглядев князьего ратника, он попытался поклониться, но тот, грубо толкнув старика внутрь хатки, рявкнул:

– Ну, где тут у тебя малец прячется? Давай его сюда!

– Не прячется у меня никакой малец, – растерянно пробормотал дед. – Внук только со мной...

– Вот он-то нам и нужен! – неожиданно весело гоготнул ратник.

Из тряпок, наваленных в темном углу хаты, вынырнула белая детская голова. Широко распахнутые, будто бы и не спавшие глаза уставились на ратника.

Тот, увидев мальчонку, одним прыжком оказался рядом с кучей тряпья и выдернул из нее Вотшу. Подняв ребенка на вытянутых руках, ратник довольно ухмыльнулся:

– Тот самый...

– Зачем вы его забираете?... – забормотал за его спиной старый Ерохта. – Он же ничего не сделал, многоликий сам с ним заговорил...

Дружинник прижал мальчика к груди и повернулся к деду.

– Мальчишка ничего не сделал, – подтвердил он слова деда и, шагнув к выходу из хаты, добавил: – Но вожак хочет его видеть, а зачем... кто ж его знает?!

Когда дружинник с ребенком на руках вышел во двор, у плетня уже кучковалось десятка два слобожан. Тихо переговариваясь между собой, они с осторожным интересом косились на стоявшего у калитки воина. Увидев Вотшу на руках дружинника, все замолчали. Ратник, стоявший у плетня, быстро вскочил в седло и развернул коня таким образом,

чтоб оказаться между своим товарищем и собравшейся толпой. Второй ратник спокойно усадил мальчишку на своего коня, поднялся в седло и, придерживая ребенка одной рукой, направился в сторону княжеского замка. Слобожане молча смотрели им вслед, пока оба дружинника не скрылись за поворотом дороги. Потом все они повернулись в сторону хаты. На пороге стоял старый Ерохта и с тоской смотрел вслед увезенному внуку.

Несколько минут над улицей висела мертвая тишина, а затем раздался хрипловатый мужской голос:

– Ерохта, зачем это многоликие Вотшу забрали? Он что, набедокурил сильно?

Этот голос словно бы вывел старика из оцепенения. Вздвогнув, он посмотрел на столпившихся у плетня соседей, потер лоб дрожащей рукой и нарочито громко ответил:

– Ничего он не набедокурил. Ратник сказал, что его... князь видеть хочет.

Снова над улицей повисло молчание – все обдумывали слова старика.

– Ну... может быть, князь посмотрит да и отпустит мальчонку-то... – раздался наконец женский голос, которому явно не хватало уверенности.

– Как же, отпустит, – немедленно отозвался кто-то из мужчин. – Когда это было, чтобы многоликие просто так отпускали нашего брата?!

– Но это же... ребенок... – робко возразил все тот же женский голос.

– А им все одно, что ребенок, что взрослый! – раздраженно ответил мужчина. – Мы для них не люди – изверги!

После этого, ставящего заключительную точку, слова все стоявшие у плетня люди как-то засуетились и стали быстро расходиться по своим домам. Скоро дед Ерохта остался в одиночестве.

Всадники, увозившие Вотшу, едва только толпа слобожан скрылась за поворотом дороги, пустили своих коней ходкой рысью, и скоро мальчишка увидел каменные городские дома и вырастающие за ними высокие серые стены княжеского замка. Спустя несколько минут копыта лошадей гулко процокали по деревянному настилу подъемного моста, и всадники въехали на огромный, мощный камнем замковый двор. Здесь, рядом с высокими резными дверями очень красивого трехэтажного здания, они спешили, но Вотша остался сидеть на конской спине перед седлом всадника.

Дружинник, стороживший у плетня, быстрым шагом направился внутрь здания, а второй встал рядом с лошадей и, чуть придерживая мальчишку за пояс порточков, негромко сказал:

– Ты, малец, сильно не пугайся... Если князь что спросит, отвечай не торопясь, спокойно... Да не придумывай ничего – князь страсть врунов не любит.

– Я никогда не вру! – тихо буркнул насупившийся мальчик.

Ратник улыбнулся в густые усы и построжавшим голосом проговорил:

– И не перечь князю, не дерзи! А то и оглянуться не успеешь, как на конюшне окажешься!

– А чего я там, на вашей конюшне, не видал? – еще тише пробурчал мальчишка.

– Вот и я говорю – нечего тебе там делать! – неожиданно согласился ратник и снова улыбнулся.

Но в то же мгновение улыбка слетела с его лица. За закрытыми резными дверями раздался слабый шум, затем одна из дверей приоткрылась, и в образовавшуюся щель на крыльцо проскользнул второй дружинник.

– Идет князь! – чуть запыхавшись, проговорил он. – Снимай мальчонку!

Сильные руки сдернули Вотшу с лошади, опустили на камень площади, и ратник, щекотнув его ухо усами, прошептал:

– Помни, что я тебе говорил!

Мальчик молча кивнул белой взлохмаченной головой и уставился огромными голубыми глазами на высокие двери дворца.

Прошло минут пять, и двери медленно, торжественно распахнулись, открывая мальчишечьему взгляду темную, прохладную прихожую, из глубины которой выходил высокий, стройный мужчина в белой, расшитой красным крестиком рубашке, темно-серых портах и высоких сапогах. Рядом с ним шла полная высокая женщина в светлой рубашке и долгополом летнем сарафане.

«Вот он какой – князь! – восторженно подумал Вотша, взглядываясь в лицо мужчины. – Вожак... Всеслав!»

Выйдя на крыльцо, князь и княгиня внимательно оглядели маленького Вотшу, а затем Всеслав, усмехнувшись, проговорил:

– Он действительно похож на...

Быстро сбежав с невысокого крыльца, он остановился в двух шагах от мальчика и спросил:

– Как тебя зовут, маленький изверг?

– Вотша, господин...

Голос у мальчонки хоть и дрогнул, но прозвучал достаточно громко и ясно.

– А знаешь ли ты изверга по имени Ват?

– Это мой прадед, господин, – гораздо увереннее ответил Вотша и после секундной паузы добавил: – Только он не был извергом, господин, он был многоликим!

Всеслав метнул мгновенный взгляд за свое плечо, и Рогда в ответ едва заметно кивнула.

– С кем живет малец? – обратился князь к стоявшему позади Вотши ратнику.

– С дедом, вожак, с совсем старым дедом...

Всеслав снова посмотрел на мальчика:

– Если твой прадед был многоликим, то почему твой дед – изверг?

Вотша не сводил глаз с лица князя и потому сразу же уловил проскользнувшее по нему напряжение. Но вожак стаи мгновенно взял себя в руки, и на мальчика посмотрели все те же спокойные темно-серые глаза.

– Я не знаю, господин. – Мальчишка неловко пожал плечами. – Дедушка мне ничего об этом не рассказывал.

– Не рассказывал... – задумчиво протянул Всеслав и снова быстро посмотрел на свою княгиню.

Вотша почувствовал, как лежавшая на его плече рука ратника чуть напряглась.

– Ну, что ж... – начал было князь, словно приняв какое-то решение, но в этот момент из полутьмы дворцовой прихожей раздался спокойный, строгий голос:

– Не торопись, брат!

На крыльце позади княгини появилась высокая худощавая фигура, закутанная в темную хламиду, и мальчика обжег пристальный взгляд странно знакомых зеленовато-холодных глаз.

Рогда чуть посторонилась, и Ратмир, неторопливо спустившись с крыльца, встал рядом с князем.

– Позволь мне сначала... проверить его способности, его... возможности, – медленно проговорил волхв, не отрывая глаз от лица ребенка, и в его голосе не было просьбы. – Вдруг он тебе пригодится...

Князь недовольно нахмурился и сквозь зубы процедил:

– На что это мне может пригодиться маленький изверг?! Если б он был хотя бы полуизвергом!

– Вот мы и посмотрим, на что! – со спокойной уверенностью ответил волхв.

– Ты хочешь увезти мальчишку к себе в Звездную башню?

– Зачем? Мне достаточно будет просто... поговорить с ним... часок, другой.

Всеслав пожал плечами:

– Ну что ж, поговори... Хотя я не думаю, что малец представляет хоть какую-то ценность.

Затем, подняв глаза на стоявшего позади мальчика ратника, он приказал:

– Скал, пока что ты будешь отвечать за мальчишку. Устрой его в ратницкой, одень, накорми... В общем, займись им. И следи, чтобы он не сбежал! Головой отвечаешь! Когда волхв Ратмир закончит свои... исследования... я скажу, что дальше делать с мальчишкой!

Князь повернулся, взошел на крыльцо и, взяв княгиню под руку, направился в глубь дворца. Рогда, прежде чем скрыться в полумраке прихожей, успела бросить через плечо еще один настороженный взгляд. Теперь он был обращен к волхву.

Но тот не заметил этого взгляда.

– Приведешь Вотшу сразу после обеда ко мне в покои, – обратился Ратмир к Скалу. – Я за это время все приготовлю... И постарайся, чтобы мальчик не был слишком напуган – его испуг может все запутать.

С этими словами волхв повернулся и неторопливо последовал за княжеской четой.

Когда двери дворца за ними закрылись, Скал неожиданно подхватил Вотшу на руки и довольно пробасил:

– Ну ты, малец, молодец! Все как надо делал и даже князя не испугался!

Скал с Вотшей на руках пересек двор и между двух невысоких хозяйственных построек вышел к большому двухэтажному зданию, пристроенному к замковой стене.

– Вот здесь ты теперь жить будешь, – проговорил ратник, опуская мальчика на крыльцо и беря его за руку. Коротким коридором они прошли в заставленный длинными столами и скамьями зал, и Скал, остановившись в дверях, пояснил: – Это наша трапезная, а спальни находятся наверху.

У среднего стола сидело четверо дружинников. Перед каждым из них стояла большая деревянная миска и здоровенная глиняная кружка. Ратники завтракали. Вотша вертел головой, оглядывая трапезную, вдыхал запах каши и свежее испеченного хлеба и крепко держался за руку Скала.

Услышав слова дружинника, завтракавшие обернулись, и один из них, здоровяк с густой взлохмаченной черной шевелюрой, глухим басом поинтересовался:

– Что это за птаху ты привел, Скал?

– Вот, знакомьтесь, правнук Вата, – проговорил дружинник, подводя мальчика к столу. – А зовут его Вотша. Вожак приказал присмотреть за ним.

Все четверо с интересом оглядели мальчика, а сидевший с правого края молодой худощавый дружинник проговорил:

– Правнук Вата? Надо же! Извержонок, значит. – И, хлопнув ладонью по столешнице, добавил: – Ну, садись с нами, извержонок Вотша, позавтракать-то, наверное, не успел?

Мальчик посмотрел на Скала, и тот поддержал предложение своего товарища:

– Садись, садись... Сначала поедим. Я ведь тоже еще не завтракал, а потом пойдем к тетке Сидохе, может, она тебе из одежды что-нибудь подберет.

Усадив мальчика на скамью рядом с молодым дружинником, Скал ушел к окошку в дальнем конце трапезной и, спустя несколько минут, вернулся с двумя большими мисками, наполненными рассыпчатой кашей, поверх которой лежало по ломтю хлеба. Затем Скал еще раз сходил к окошку и принес две большие ложки и две кружки. В одной из кружек была налита темная пенная жидкость, а в другой – молоко. Поставив перед Вотшей миску с кашей и кружку с молоком, дружинник протянул ему ложку:

– Ешь, не торопись! Не набрасывайся на пищу, как зверь дикий!

Мальчик молча принял ложку, осторожно взял в другую руку ломоть хлеба, оглядел наблюдавших за ним дружинников, вздохнул и принялся за еду. Однако, черпанув пару раз из миски, Вотша вдруг замер с поднятой ложкой и поднял на Скала изумленные глаза:

– Дядя Скал... – шепотом проговорил он, торопливо проглотив кашу. – У меня... здесь... И замолчал.

– Да что там у тебя?.. – встревожился дружинник и заглянул в миску к мальчику. – Ну, что ты там обнаружил?!

– Мясо! – испуганно прошептал Вотша и аккуратно положил ложку хлебалом на край чашки.

Дружинники переглянулись, и чернявый здоровяк добродушно прогудел:

– Ну что ж, что мясо... Вот и ешь с мясом... Раз в княжеский замок попал, силенок тебе много понадобится – собирай силенки-то...

Мальчишка осторожно заглянул в свою миску и, снова взявшись за ложку, ковырнул кашу. Потом, еще раз обежав глазами дружинников, уже смелее поддел небольшой шматок мяса и вместе с кашей отправил в рот.

Пока он сосредоточенно жевал, дружинники с веселым интересом поглядывали на него, но осторожно, так, чтобы уж совсем не смутить мальчика. Тот, прожевав и проглотив первую ложку, с гораздо большим энтузиазмом потянулся к миске и вскоре уже вовсю наворачивал кашу, не стесняясь хозяев стола.

Прикончив кашу, Вотша аккуратно положил ложку в миску и, удовлетворенно вздохнув, проговорил:

– Вкусно!..

– А молоко?.. – с улыбкой поинтересовался Скал. – Молоко-то пей!

Мальчишка наклонился над кружкой и осторожно попробовал жирное молоко. Выпив пару глотков, он поднял голову, облизнул верхнюю губу и неожиданно улыбнулся:

– А квас-то у нас с дедом вкуснее...

Дружинники, с интересом наблюдавшие за маленьким извержонком, расхохотались...

И вдруг все пятеро почувствовали странную неловкость. Им всем пришло в голову, что вот с ними за одним столом сидит детеныш тех самых извергов, которых они презирали... Да нет, не презирали даже! Они их просто не считали достойными своего внимания, ну разве когда поразвлекься с какой-нибудь молоденькой, симпатичной извергиней, особенно в походе, в набеге! А вот, поди ж ты, сидит малец-изверг за одним с ними столом, ничуть не смущается, уплетает такую же кашу, а им не хочется цыкнуть на него, пристукнуть, вышвырнуть за порог, словно шелудивого пса! Наоборот, извержонок вызывал какое-то щемящее сочувствие, хотелось его... приласкать! И каждый, оправдывая себя, решил, что Вотша все-таки не простой изверг, что он все-таки потомок Вата! А Вата все еще помнили!

После завтрака, закончившегося в смущенном молчании, Скал взял мальчишку за руку и повел в стоявший по соседству с ратницкой небольшой домик, оказавшийся бельевой. Хозяйничала там пожилая толстая и удивительно опрятная женщина, которую все называли тетка Сидоха.

Сидоха, увидев мальчишку, вцепившегося в руку Скала, охнула, присела перед Вотшей и, покачав головой, спросила:

– Это откуда ж у тебя, волчара седой, такой хлопчик малой появился?! Неужто, старый грех какой следок оставил?!

– Мои грехи, тетка Сидоха, на три метра под землей схоронены, – усмехнулся Скал. – А это – грех... Не сказать, чей! – И многозначительно помолчав, добавил: – Вот, познакомься – правнук чернохвостого Вата, зовут – Вотша!

Тетка Сидоха в мгновенном взгляде вскинула лицо к стоявшему над ней Скалу и сразу же снова опустила глаза на мальчишку.

– Та-а-а-к... – медленно протянула она, и в этом коротком слове отпечатались странная, непонятная для маленького мальчика тоска. – И как же он в замке-то у нас оказался?

– Ратмир вчера в горшечной слободе его углядел, да, видать, жожаку рассказал. А он приказал мальчишку в замок доставить.

– Зачем? – чуть дрогнувшим голосом переспросила тетка Сидоха, не сводя глаз с Вотши.

– Да кто ж его знает, – пожал плечами Скал. – После обеда поведу его к Ратмиру, а пока что приказано его одеть и накормить... Мы с ним позавтракали, а теперь вот к тебе пришли – подбери ему что-нибудь из одежды!

Тетка Сидоха медленно выпрямилась и, поднеся пальцы правой руки к губам, совсем тихо переспросила:

– А волхву-то мальчишка зачем понадобился?

– Он хочет узнать его... судьбу... – так же тихо ответил дружинник. – Говорит, вдруг он нашей стае пригодится!

Толстуха покачала головой и едва слышно вздохнула. Затем, коротко приказав: «Ждите!», ушла во внутренние помещения.

Минут через десять тетка Сидоха вместе с двумя своими помощницами, молоденькими извергинями, принесла несколько рубашек, две пары портов, полотна на портянки, маленькие невысокие сапожки. Вся одежда была не новой, ношеной, но чистой и ухоженной – было ясно, что у кастелянши замка все хранится в надлежащем порядке. Часа через два Вотша был одет во все новое, пригнанное по его маленькой фигурке. Даже сапожки оказались ему только чуть-чуть великоваты.

До обеда Скал успел еще показать маленькому извергу замок и вид, открывающийся с южной стены – той, за которой не было городских построек. Крутой склон, начинавшийся прямо за стеной замка, заканчивался песчаным обрывом, под которым поблескивала быстрая река, а за рекой до самого горизонта, иззубренного невысокими горами, простиралась волнующаяся ковылем степь. И только две-три небольшие дубовые рощицы нарушали это протяженное, волнующееся под ветром однообразие.

Вотша долго смотрел на степь с высоты замковой стены, а затем, взглянув на дружинника огромными голубыми глазами, тихо спросил:

– Дядя Скал, а что там, за этим... – и он повел перед собой рукой, не умея подобрать имени открывающемуся перед ним пространству.

Скал неловко ухмыльнулся и покачал головой.

– Это степь. Вся эта степь – наша! Она принадлежит нашей стае! А за ней начинаются горы. Вон они видны на самом горизонте. Волку до них бежать четверо суток! В горах живет другая стая – снежные барсы, ирбисы. – Дружинник на мгновение замолчал, словно припомнил нечто давнее. – Опасные, сильные бойцы! Они не строят замков, сами горы для них – замки. Я ходил туда с... твоим прадедом!

– С Ватом?! – немедленно вскинулся малец.

– С ним, – кивнул Скал и помрачнел.

Положив на белую голову мальчика свою большую, тяжелую ладонь, он вздохнул и совсем другим тоном проговорил:

– Пойдем, Вотша, обедать! А то еще опоздаем к волхву, он тогда мне задаст!

Обед поразил мальчика еще больше, чем завтрак. Изумленно оглядев заставленный закусками стол, он прошептал:

– Нам с дедом и за месяц столько не съесть!

Тем не менее, он отведал и борща с только что испеченными пышками, и горячего оленьего окорока с полбой, и распаренной в меду репы... Однако Скал зорко следил, чтобы мальчишка не переел – осоловеет, а ему ведь к волхву идти!

Через полчаса после обеда они отправились к Ратмиру.

У дверей гостевых покоев их встретила молоденькая служанка и, поклонившись дружиннику, произнесла:

– Господин Ратмир велел мне проводить вас к нему.

Затем, внимательно посмотрев на мальчика, она повернулась и направилась через анфиладу комнат к главному залу. Здесь она остановилась и, еще раз поклонившись Скалу, сказала:

– Господин Скал может обождать своего подопечного здесь. К господину волхву мальчик войдет один!

Дружинник пожал плечами и тихонько подтолкнул Вотшу в сторону девушки:

– Ступай с Милой, дружок, и ничего не бойся!

Мальчик шагнул к служанке. Та, бросив удивленный взгляд на дружинника, взяла его за руку и направилась к левой из двух бывших в зале дверей. Когда они скрылись, Скал посмотрел тяжелым взглядом на закрывшуюся за ними дверь и уселся в одно из кресел, стоявших в простенках между окнами зала.

Мила провела Вотшу коротким коридором до тяжелой, плотно прикрытой двери, с усилием приоткрыла ее и легонько втолкнула мальчика в образовавшуюся щель.

Мальчишка оказался в большой комнате с окнами, плотно закрытыми шторами. Мрак, царивший в комнате, едва рассеивался пламенем одинокой свечи, бросавшим трепещущие блики на темные резные дверцы больших стенных шкафов, янтарную полированную поверхность стола, установленного в центре комнаты, и большое черное, удивительно глубокое зеркало в странной, темного металла, оправе. Зеркало это не отражало комнаты, в его черной глубине проскальзывали голубовато-синие всполохи, словно некое утробное пламя пыталось выплеснуться и бессильно гасло у самой поверхности бездонной, черной пропасти. И мальчик испугался этой черной бездны, этих бесшумных, непонятно чем рождаемых всполохов, испугался впервые с момента своего появления в замке.

– Разденься и ложись на стол!

Холодный, равнодушный голос прозвучал из темного угла. Мальчик стремительно обернулся в сторону говорившего, и вперед выступила закутанная в темную мантию фигура. Голова фигуры пряталась под капюшоном, а лицо было прикрыто грубо вырезанной из толстой, жесткой кожи маской.

– Ничего не бойся, разденься и ложись на стол! – повторил волхв и повелительным жестом указал на янтарно отблескивающую поверхность столешницы.

Вотша, не отрывая глаз от высокой, темной фигуры, медленно разулся, развязал пояс портов, и они упали на пол. Переступив через них, мальчик едва заметно вздрогнул и начал стягивать рубашку.

– Быстрее, – поторопил его равнодушный голос.

Мальчик снял рубашку и опустил ее на порты. Затем, бросив взгляд на корявую маску, прикрывавшую лицо волхва, он взобрался на стол, вытянулся вверх лицом на прохладном полированном дереве, так, что свеча оказалась у него в изголовье, и закрыл глаза.

Волхв шагнул к столу и сквозь прорези в маске взглянул в лицо мальчику. Потом из складок своей мантии он достал два небольших холщовых мешочка и высыпал их содержимое по обеим сторонам от головы мальчика. Две крошечные горки похожего на мелкий песок порошка тускло засветились в полумраке комнаты, и было непонятно, то ли песок отражает свет свечи, то ли мерцает собственным светом. Но в это момент волхв быстро наклонился и задул свечу.

Песок продолжал мерцать чуть переливающимся желтоватым сиянием.

– Открой глаза... – глухим, безразличным, отрешенным ото всего голосом проговорил волхв.

Мальчик открыл глаза, и они вдруг замерцали голубоватым отсветом, словно отвечая на свечение песка.

На миг в комнате повисла странная неживая тишина, словно человек и изверг вдруг перестали дышать... перестали жить. Но, спустя мгновение, над головой мальчика поднялась темная рука с длинными тонкими пальцами, и все тот же неживой голос произнес странное, непонятное, невозможное для человеческого уха слово. Затем рука медленно опустилась и поочередно клюнула длинным указательным пальцем обе светящиеся горки – сначала справа, потом слева от головы мальчика. Вотша услышал, как длинный заостренный ноготь дважды сухо щелкнул в столешницу, и этот тупой звук было последнее, что он услышал въяе!

Настоящее для мальчика кончилось!

Песчаные горки от тычка преобразовались в крошечные кратеры, и из их середины вдруг отчетливо потянуло дымком. Этот дым почти сразу же стал виден, словно крошечные желтоватые облачка поднялись над столешницей, над головой ребенка. Подпитываемые все новыми и новыми струйками, вырывавшимися из середины кратеров, эти облачка разрастались, густели, окутывали голову Вотши, но его открытые глаза продолжали смотреть сквозь клубящийся дым в далекий невидимый потолок.

И тут новое изысканно-корявое, нечеловечье слово невнятным призывом сорвалось с уст волхва, и в ответ на этот призыв глубокая, черная поверхность зеркала засеребрилась, всполохи в его глубине засияли ярче, а затем из его глубины всплыло... отображение!.. Но это было отображение не той темной комнаты, в которой оно стояло, это было отображение какого-то другого, чужого Мира!

Мальчик лежал спокойно, бездвижно, но с губ его неожиданно сорвался едва слышимый, слабый стон. И в ту же секунду волхв произнес третье гортанно-грозное слово, похожее на воинственный клич или приказ. В ответ на него в глубине дымивших песчаных кратеров полыхнуло крошечным оранжево-золотистым пламенем, а в темном провале зеркала, оплетая едва проступавшее изображение, забегали извилистые разноцветно-огненные зигзаги. Вначале едва заметные, они быстро набрали силу, и скоро уже вся комната полыхала стремительными беззвучными, разноцветными вспышками!

Волхв сбросил свою грубую маску и впился глазами в зеркало, распознавая, читая, запоминая увиденное!

А Вотша в это время тоже видел... Но это были даже не видения – это была самая настоящая жизнь! Нет, не его жизнь, не жизнь маленького мальчика! Это была чужая и в то же время непонятно близкая, родная жизнь! Он сам, он – маленький Вотша, был огромным волком со странно темным, почти черным хвостом, а за ним бежала стая из двенадцати зверей, а над ним высоко в безоблачном небе кружили три огромные птицы. И он, маленький Вотша, знал, что эти птицы тоже из его стаи, что они оттуда, с неба, видят его путь и следят, чтобы ему, маленькому Вотше, ничего не помешало продвигаться к своей цели.

Потом это видение смазлось, стерлось, и вместо него возникло другое, не менее яркое! На маленькой, тесной лесной поляне, окруженной густыми, непроходимыми зарослями черной колючки, пятеро волков рвали четырех матерых секачей! Мальчик знал, что схватка уже заканчивается, что кабаны сломлены и не помышляют о победе. Один из них лежал в стороне, подергивая ногами, и при каждом хриплом вздохе из его пасти, между сжатых конвульсией клыков сочилась ярко-розовая пена. Двое других, встав плечом к плечу и выставив вперед клыкастые, но уже порядком изорванные головы, прикрывали третьего, который пытался собственным огромным телом, как тараном, пробить брешь в зарослях.

Четверо волков, тоже уже имевших раны, без усталости атаковали защищающуюся пару кабанов, а он, маленький Вотша – огромный серый волк с темным хвостом, медленно, словно бы безразлично обходил эту пару справа, разглядывая третьего секача, того, что еще

не был ранен, того, кому необходимо было уйти из волчьей западни! В тот момент, когда этот третий в который раз врезался в ошетилившийся колючками кустарник и бессильно откатился прочь, он, маленький Вотша, прыгнул через головы прикрытия и низринулся на яростно пыхтящего кабана! Тот попытался подставить волку свои огромные, вымазанные в земле клыки, но эта разящая кость опоздала на мгновение – стальные волчьи зубы сомкнулись на кабаньей шее, пробили жесткую, колючую шкуру и рванули, раздирая в клочья гор-тань.

Кабан повалился набок, захлебываясь вырвавшейся наружу кровью, а он, маленький Вотша, могучим прыжком отскочил в сторону, уходя от конвульсивного удара тяжелыми раздвоенными копытами, и, вскинув голову, коротко взвыл, давая сигнал к отступлению.

Атаковавшие секачей волки медленно попятились прочь от израненных противников в сторону черневшего позади прохода в зарослях, и только он, маленький Вотша, остался на месте, наблюдая, как стремительно размылись контуры кабаньих тел и вместо них на поляне появились двое обнаженных, тяжело дышащих людей. Как они встали на колени около третьего человека, замершего с порванным горлом на голой истоптанной земле, как они, спустя минуту, горестно заломили руки и завывали от горя, не обращая внимания на стоявшего невдалеке волка...

Потом стерлось и это... Перед его открытыми глазами замелькало что-то неразборчивое, и в следующее мгновение он оказался в огромном темном зале, освещенном дымными факелами. Но теперь он был уже не в обличье волка – он был человеком!

Он стоял на высоком помосте, полностью обнаженным, и густые, темные, спутанные волосы падали ему на глаза, мешая видеть окружающее. Да он и не желал ничего видеть! Его сильные руки с мощными буграми мышц были безвольно опущены вниз. А в его душе клокотало пламя обиды, возмущения, ненависти! Прямо перед ним стоял пожилой седовласый мужчина, одетый в богатый наряд с княжеским плащом на плечах, в вытянутых руках он держал тускло отблескивающий нож с длинным клинком и затейливо изогнутой рукоятью. А позади старого князя в странно сгустившейся тьме можно было различить высокую тощую фигуру в уже знакомой Вотше темной хламиде. Волхв! Судя по плавным движениям рук, волхв что-то говорил, однако слов Вотша не слышал. Да и что можно было услышать, когда его мозг терзала единственная мысль – ПРЕДАЛИ!!! Когда в груди билось единственное желание – ОТОМСТИТЬ!!!

Но вот волхв вскинул руки и что-то прокричал. Слова были неразборчивы, но голос, срывающийся на визг, больно резанул уши. Факелы вспыхнули ярче, и в этот момент князь резким движением сломал клинок у самой рукояти, а затем медленным, брезгливым движением бросил обломки под ноги ему – маленькому Вотше.

Свет померк, тьма пришла в его сознание, влилась в его душу, наполняя ее ужасом и безысходностью, все чувства замерли, и даже ток крови в жилах, казалось, остановился.

Мир его – маленького Вотши – прекратил свое существование!!!

Извивающиеся отблески в быстро мутнеющем зеркале свивались в повторяющемся, уже не несущем информации узоре. Дважды посвященный волхв Ратмир с усталым вздохом откачнулся от полированного обсидиана, вытер дрожащей рукой мокрый от пота лоб и взглянул в лицо лежавшему на столе мальчику. Навстречу ему ударил прямой, острый, как клинок, взгляд темно-серых широко открытых, не детских глаз! И второй раз откачнулся пораженный волхв.

– Закрой глаза!.. – глухо пробормотал он, и его голос уже не был холодным и безразличным, в нем плавала муть тревоги, в нем трепетала дрожь опаски.

Но мальчик не слышал этого голоса, его глаза, подчиняясь приказу кудесника, медленно закрылись.

В комнате воцарились тишина и темнота!

Когда дверь кабинета гостевых покоев приоткрылась и Ратмир позвал Милу, она не узнала его голоса. Слабый и какой-то обреченный, он настолько не соответствовал образу строгого, отстраненного от мира волхва, что она на мгновение растерялась, но привычка к дисциплине мгновенно взяла верх, и служанка быстро вошла в темное помещение. Свет, проникавший через открытую дверь из главного зала покоев, позволил ей разглядеть лежащее на столе обнаженное тело ребенка, а вот сам волхв старательно прятался в темном углу кабинета.

– Забери мальчика и отдай его Скалу... – медленно, словно бы с трудом проговорил волхв. – Пусть он внимательно наблюдает за ним... Мальчик будет спать... очень долго спать... возможно, больше суток. Если он вдруг перестанет дышать, пусть Скал немедленно пошлет за мной!

Молоденькая извергиня, на ходу подхватив с пола одежду Вотши, подошла к столу и взяла маленькое, худенькое тельце на руки. Выходя из кабинета, она на мгновение обернулась, но волхв продолжал оставаться в густой тени. Только когда она вышла из кабинета, волхв пошевелился – протянул руку и отдернул штору с ближнего окна.

Дневной свет проник в комнату и сразу же стер таинственный, мистический флер, наполнявший ее. Правда, на пустом письменном столе, выдвинутом в центр комнаты, оставалась оплывшая свеча зеленого воска, и темнели два пятна темно-серого пепла от сгоревшего колдовского зелья, но они казались случайностью, остатками какой-то неумной шутки. И магическое зеркало потеряло свой мистический налет, теперь оно выглядело обычной пластиной черного камня, отполированной и обрамленной темной, кованой металлической рамой.

Волхв оглядел кабинет и едва заметно пожал плечами. Он уже давно привык к двойственности предметов, к их зависимости от освещения, способа их употребления, отношения к ним человека... Он уже не удивлялся превращению самой необходимой вещи в совершенно ненужный хлам.

Откинув капюшон с головы, Ратмир медленными, неуверенными шагами двинулся вдоль стены, раздвигая шторы на окнах, наполняя кабинет светом. Так он добрал до большого покойного кресла, несколько секунд разглядывал его, словно не понимая назначения этого предмета, а затем осторожно и в то же время неловко опустился в него. Сил не осталось совершенно, невыносимо хотелось лечь в постель и провалиться в беспмятство, в сон, но он не мог позволить себе этого. Именно сейчас, по горячим следам, необходимо было спокойно обдумать все, что открылось ему в Пророчестве. А оно было на редкость ярким, точным, практически не допускающим разночтений. Мальчишка нес в себе простую и ясную альтернативу – он мог стать основой поразительного возвышения принявшей его стаи или же причиной гибели всего сущего Мира!

Только многолетняя тренировка, железная выдержка, воспитанная годами ежедневных занятий, привычка размышлять обо всем отстраненно, без эмоций позволила волхву унять бившую его нервную дрожь и внешне спокойно, даже безмятежно обдумывать полученную информацию:

«Самым простым будет промолчать, скрыть все, что тебе стало известно... Тогда мой драгоценный братец, скорее всего, прикончит мальчишку и вместе с ним любую из его возможных судеб. Но ты прекрасно знаешь, что Рок обмануть нельзя – Рок немедленно приведет в Мир нового... Вотшу, только ты уже не будешь знать, как он выглядит, в какой стае он появился, тем более что он снова, скорее всего, будет... извергом! И тогда уже, Ратмир, ты не сможешь держать в руке узелок его Судьбы. Правда, ты и не будешь ни в чем виноват. Но ты – волхв, ты для того и предназначен, чтобы держать в своей руке судьбы простых людей... в том числе и извергов!

Значит, это будет изменой самому себе. Значит, этот вариант не подходит».

Ратмир чуть шевельнулся в кресле, словно подчеркнув первый вывод из своих размышлений. Его темные, с зеленою глаза переместились от окна к полированному металлу магического зеркала.

Мальчишку можно забрать с собой в университет, в Звездную башню... Но тогда Ратмиру надо будет смириться с тем, что его родная стая никогда не поднимется до того поразительного величия, которое маленький изверг может ей принести! Ратмир, конечно, не настолько любит своего старшего брата, чтобы помогать ему возвыситься над всем Миром, но других вожаков... другие стаи... он любит еще меньше. В конце концов, именно эта стая вынырнула его, именно эти волки – родная для него кровь! А в университете сразу же найдутся желающие наложить лапу на его находку, особенно, если станет известно, какая Судьба уготована этому... извержонку. О-о-о, Ратмир хорошо знает посвященных – из всего совета не найдется и трех, которые не потянут к маленькому волчьему извергу жадные лапы ради возвеличивания своей стаи! И никакой кодекс их не остановит! А что тогда? Хватит ли у него сил, связей, изворотливости, чтобы сохранить извержонку за собой?! Вряд ли... Кроме того, в Звездной башне слишком велика вероятность того, что мальчишка попадет под случайное ментальное воздействие, от которого он, Ратмир, тоже вряд ли сможет его прикрыть – случай, он потому и случай, что непредсказуем!

Значит, и этот путь не подходит!

И снова волхв едва заметно шевельнулся – второй вариант также был рассмотрен и с тем же результатом.

«Извержонку можно оставить в стае... под надзором моего старшего братца... Если тот сможет понять, какую ценность представляет Вотша, если сможет унять свое высокомерие, свою спесь... Если сможет по-настоящему привязаться к малышу, по-настоящему стать ему старшим другом... А вот это как раз и невозможно. Всеслав непомерно горд, тщеславен и потому... глуп! Он не сможет быть терпимым к какому-то там извержонку – пыли под его ногами. Разве что... Разве что сам Всеслав не будет близко общаться с Вотшей, просто отдаст приказ о его воспитании, приставит к нему надежного, умного и... сердечного волка, к которому сирота-извержонка сможет привязаться! В таком случае и сам Всеслав, находясь в достаточном удалении от малыша, сможет быть к нему снисходителем, а воспитатель сможет внушить своему подопечному уважение, почтительность, даже, может быть, любовь к своему повелителю! А лет через... пять-семь можно будет найти этому... странному... извергу применение, соответствующее его способностям. Тогда и я смогу снова заняться им. Да, пожалуй, именно так и следует поступить».

Ратмир с трудом выбрался из кресла и тяжелой походкой направился в спальню. Он был готов к разговору со своим старшим братом, но перед этим надо было отдохнуть, набраться сил!

Едва Мила с мальчиком на руках появилась в дверях приемной, Скал вскочил с кресла и мгновенно оказался рядом с девушкой. Увидев, в каком состоянии находится Вотша, дружинник пробормотал что-то неразборчиво-грубое и осторожно принял в свои руки маленькое худое тельце, а затем приглушенно, сдерживая рвущуюся наружу ярость, приказал:

– Одевай его! Быстро! Не хватает еще тащить мальчика по улице голышом!

Мила начала осторожно надевать на мальчика рубашку, одновременно пересказывая дружиннику то, что велел ему передать брат князя. Скал слушал наказ волхва, никак не выдавая своего отношения, и только когда Мила начала натягивать на ноги мальчика сапоги, он вдруг грубо ее одернул:

– Не надо! Так понесу! Давай сюда обувку!

Служанка торопливо сунула ему в руку сапожки, и Скал, не говоря больше ни слова, развернулся и потопал к выходу из гостевых апартаментов.

В общей опочивальне ратницкой Скал выбрал свободную койку возле окна и уложил на нее спящего мальчугана. Снова раздев его и осторожно прикрыв легким покрывалом, он уселся на соседнюю койку и, сурово сдвинув брови, принялся о чем-то сосредоточенно размышлять.

В тот же вечер, после захода солнца, когда в небе проклюнулись первые звезды, молоденькая служанка-извергиня, приставленная княгиней к приехавшему погостить Ратмиру, явилась в малую трапезную, где Всеслав в компании трех самых близких друзей пил вино, привезенное с далекого юга, и играл в малый лов. Привычно потупив глаза, она встала в дверях трапезной и громко произнесла:

– Хозяин, господин Ратмир просит тебя немедленно прийти к нему!

– Просит... немедленно? – ухмыльнулся Всеслав в усы. – Ты, красавица, передай... господину Ратмиру, что, ежели я так срочно ему понадобится, пусть он сам ко мне придет. Тем более что у меня и компания хорошая подобралась, а рушить хорошую компанию – грех!

– Господин Ратмир просил передать, что речь идет о... Пророчестве! – не поднимая глаз, проговорила девушка.

Вожак криво ухмыльнулся, но глаза его прищурились, взгляд заострился.

– Вот как... – медленно процедил он сквозь зубы. – Выходит, братец мой и в самом деле выведал что-то важное, иначе он не стал бы так торопить разговор со мной.

Повернувшись к наблюдавшим за ним друзьям, Всеслав улыбнулся:

– Придется мне вас ненадолго оставить. Пойду, послушаю, о чем там дознался мой братец.

И не дожидаясь ответа своих собутыльников, вожак быстрым шагом направился в гостевые покои.

Ратмира он нашел в затемненной спальне. Брат лежал в постели, укрывшись периной до подбородка, широко открытые глаза на побледневшем лице горели мрачным огнем. Всеслав, вошедший в спальню в хмельном, игривом настроении, склонный слегка пошутить и покуражиться над тем, что хотел сообщить ему волхв, внезапно почувствовал все напряжение, всю тяжесть тайного знания, открывшегося кудеснику. Хмель мгновенно слетел с вожака, присев на край постели, он нащупал под периной тонкую руку брата и крепко сжал ее.

– Ты спрашивал Будущее? Рок что-то ответил тебе?

Голос Всеслава был хрипловат, но хрипота эта была вызвана отнюдь не вином.

– Да, – шепнул Ратмир с усталым придыханием. – Я спросил Будущее, Рок ответил мне, я получил... Пророчество. Извини, что не мог сообщить его тебе раньше, у меня просто не осталось сил для разговора, а, кроме того, мне надо было еще раз все осмыслить!

– Ты вполне мог не торопиться. – Всеслав попытался легко пожать плечами, но у него получилось только странное судорожное движение. – Отдохнул бы до завтра.

– Я побоялся, что ты, сам не ведая того, наделаешь глупостей, – ответил Ратмир, и его горящий, темный взгляд уперся в лицо брата. – С этим мальчиком надо быть очень... очень осторожным!

– Что значит – осторожным?

– Я тебе все расскажу, – усталость из голоса Ратмира исчезла, но напряжение усилилось. – Но прежде мне хотелось бы, чтобы ты до конца понял, насколько этот извержонок важен! – Всеслав молча пожал плечами. После небольшой паузы, вызванной неким сомнением, Ратмир добавил: – Тебе известно, как я отношусь к кодексу посвященных! Так вот, открывая тебе то, что мне удалось узнать об извержонке, я нарушаю этот кодекс... А ты должен знать, чем это мне грозит!

Правая бровь Всеслава удивленно приподнялась, его тело напряглось, как перед броском, а губы непроизвольно прошептали:

– Даже так?!

Взгляд Ратмира помягчел, в нем промелькнуло одобрение – похоже, Всеслав понял всю сложность положения!

– Я прочту тебе Пророчество, и ты сам поймешь, насколько все серьезно.

Волхв прикрыл глаза, несколько секунд помолчал, словно собираясь с мыслями, а потом начал читать нараспев:

Младенец этот Хаосом рожден,
И в этом теле зреют две души.
Душа-юнец разбужена природой
И к жизни проросла ростком зеленым.
Душа вторая – вещая душа,
Она пока что спит глубоким сном,
Не помня прошлых мук, предательства и лжи,
Не ведая, что ей дана возможность
В Мир принести тяжелый меч отмщенья.
Когда душа вторая не проснется,
Младенец этот станет большим благом
Для рода власти, чем само рождение.
Он власти род возвысит так, что Время,
Безжалостное Время не сумеет
Изъять его в грядущих поколениях.
Но если пробудить вторую душу,
Младенец станет истинным проклятьем
Для всех владеющих прекрасным этим Миром.
Безжалостная месть кровавым смерчем
Пройдет над Миром, забирая жизни
Винных и невинных без разбора.
И воцарится Хаос, и природа
Извергнет всех, теперь еще живущих!
Ключом же к пробуждению души
Послужит память прежних поколений.

Волхв замолчал, но тишина не вернулась в темную комнату. Тяжелые, грубые, жесткие слова, казалось, просачивались сквозь потолок, сквозь стены и падали в души двух замерших людей глухим страшным предупреждением. Они, высказанные, замершие, не улавливаемые ухом, продолжали звучать чеканным ритмом в каждой клетке обездвиженных, парализованных тел!

Прошло несколько долгих минут, прежде чем вожак стаи смог преодолеть свое оцепенение и произнести:

– Да, с этим мальчишкой надо быть очень осторожным. Может быть, его лучше сразу... уничтожить?

– И потерять возможность властвовать над всем Миром? – переспросил Ратмир, и в его голосе не было насмешки.

– Ты считаешь, что какой-то дохлый... извержонок может...

Но волхв не дал вожаку закончить.

– Может! – жестко произнес он. – Ты забываешь, что это предначертал Рок, а Пророчества сбываются всегда. Раньше или позже, но... всегда!

Несколько минут в комнате висело молчание. Всеслав искал в произнесенном Пророчестве неясности или противоречия, а Ратмир с затаенной горечью наблюдал за братом. Наконец вожак неуверенно произнес:

– Я не слишком хорошо понял, что является ключом к пробуждению этой... души-разрушительницы? Что это за «память прежних поколений»?

Волхв помолчал, а потом заговорил спокойно, неторопливо:

– Ты помнишь нашего отца? Ну, конечно, помнишь! И деда нашего ты помнишь... Вот только помнишь ты исключительно то, чему сам был свидетель. Ты не помнишь того, чего не видел или не слышал, о чем тебе никто не рассказывал, но, тем не менее, эти события происходили... Об этих событиях знали наш отец, или наш дед, или наш прадед... Так вот, память о таких событиях не пропадает, она в нас самих, в наших головах, наших телах. И есть возможность ее... пробудить.

– Ты хочешь сказать, – медленно, осторожно подбирая слова, начал Всеслав, – что этот маленький изверг может вспомнить то, о чем знал его... прадед?

– То, что пережил его прадед! – уточнил Ратмир. – Да, может, но только при определенных условиях. Я думаю, это должно быть направленное ментальное воздействие.

Всеслав облегченно выпрямился.

– Тогда все не так страшно, мы вполне можем контролировать любые контакты этого мальчишки и исключить такое воздействие.

– Но он должен постоянно быть в сфере нашего внимания... Причем наилучшим вариантом было бы привязать извержонка к нашему роду настолько, чтобы он не представлял себе жизни без нас. Лучше всего было бы, если бы он тебя полюбил, как родного отца!

Всеслав удивленно поднял бровь.

– Я должен стать «родным отцом» для... изверга? Не слишком многого ты хочешь от меня, брат?!

В его голосе читались столь откровенное высокомерие, презрение и брезгливость, что волхв невольно поморщился.

– А может быть, ты сам займешься этим извержонком? – неожиданно предложил Всеслав. – Я готов взять на себя все расходы по его... содержанию, а ты, конечно же, лучше подходишь на роль няньки для мальчишки!

Ратмир долго смотрел темным взглядом в лицо брату, а затем спокойно, даже чуть насмешливо проговорил:

– Как ты себе это представляешь? Я заберу мальчика к себе в Лютец, в Звездную башню, и... что? Чем он там будет заниматься? Или ты считаешь, что его примут в школу при университете, что он сядет на Скамью Познания вместе с людьми? А может быть, мне отдать его в учение одному из городских ремесленников? Только в этом случае я вряд ли смогу контролировать его... жизнь! А теперь представь себе, что кто-то вдруг узнает Пророчество, ведь в университетском городе достаточно волхвов, дважды и даже трижды посвященных, и любой из них может просто почувствовать особость этого мальчишки! И проверить возникшее прочувствование! К кому после этого попадет твой Вотша?! К тому же в городе он может запросто попасть под случайное ментальное воздействие или просто под ментальный рикошет! – Волхв секунду помолчал, а затем, уже не скрывая насмешки, закончил: – Нет, братец, твое предложение не проходит!

Всеслав недовольно сдвинул брови – ему явно не хотелось возиться с каким-то там извергом, но и веских возражений для отказа не находилось.

– Если ты не возьмешь мальчишку к себе, если ты сейчас выгонишь его из замка, он, вполне возможно, попадет в какой-нибудь другой «род власти». – Волхв говорил спокойно и убедительно. – Согласись, это было бы... обидно!

– Да, конечно, – нехотя согласился вожак стаи. – Но... угодить какому-то извергу! Согласись, это еще... «обиднее!» – в тон брату добавил он.

– А тебе и не надо его опекать или тем более угодить, – блеснул глазами Ратмир. – Изверг должен быть счастлив находиться с тобой рядом, служить тебе, отдать, если надо, за тебя жизнь! Пойми, о Пророчестве не знает никто и не должен узнать! А еще один княжеский любимчик из извергов, маленький мальчишка, к тому же сирота, вряд ли привлечет чье-то слишком пристальное внимание! Приставь к нему кого-нибудь из верных волков, и пусть он опекает мальчишку. Тебе же надо будет отдать приказ о его содержании и обучении, а затем просто наблюдать за ним. Если он проявит какие-то способности, ты используешь эти его способности в службе, если никаких способностей не будет – он останется... да хоть бы простым нахлебником! Стая от одного рта не обеднеет, зато этот изверг будет постоянно под рукой и... Помни о Пророчестве!

– Ну ладно! – вскинулся вдруг Всеслав. – Я сам соображу, что мне делать с моим собственным извергом, раз уж ты повесил заботу о нем на мою шею!

«Все, братец пришел в себя... – удовлетворенно подумал волхв. – Значит, Пророчество не напугало его, а, скорее, заинтересовало, и он сможет справиться с извергом. Но и мне надо будет не спускать с него глаз!»

Вслух же он устало произнес:

– Да, я с тобой согласен – ты знаешь, что делать со своими извергами... А теперь, прошу тебя, позволь мне отдохнуть!

Волхв закрыл глаза и откинулся на подушку.

Всеслав был уже на пороге спальни, когда его догнал негромкий голос брата:

– Еще одно, князь. Постарайся, чтобы извержонок как можно меньше контактировал с Добышем. Волхв нашей стаи слишком любит копаться в чужих мозгах, а такое... «копание» в голове мальчишки может пробудить его наследственную память.

Глава 2

Мальчик спал долго, почти восемнадцать часов. Первые восемь часов Скал просидел рядом с ним, не сводя глаз с его странно подергивающегося лица, внимательно прислушиваясь к хриловатому, затрудненному дыханию. Однако постепенно дыхание мальчика выровнялось, лицо успокоилось. Ровное, едва слышное посапывание свидетельствовало о том, что опасность для жизни Вотши миновала.

Тем не менее Скал продолжал свое дежурство. Он, правда, отлучался ненадолго несколько раз, но всегда оставлял вместо себя кого-нибудь из своих товарищей. А когда от князя пришел приказ тщательно оберегать мальчика, не спускать с него глаз, вся ратницкая заинтересовалась Скаловым подопечным.

Наконец, перед самым обедом следующего дня, Вотша открыл глаза и огляделся. Скал быстро привстал со своего места и склонился над мальчишкой.

– Ну, малец, как ты себя чувствуешь?! – с неподдельной тревогой спросил дружинник, сам в душе удивляясь своему волнению.

Мальчик посмотрел на ратника, и Скал изумленно отпрянул, на него смотрели странно серьезные серые с темным ободком глаза.

«Но ведь у мальчишки-то глаза были голубые! Как же это? – подумал Скал, пристально всматриваясь в мальчишеское лицо, в попытке найти и другие изменения. И тут же ему в голову пришла новая мысль. – А ведь именно такие глаза – темно-серые с темным ободком были у... Вата!»

От этой догадки у дружинника вдруг похолодело в груди, но тут Вотша улыбнулся и радостно ответил:

– Хорошо, дядя Скал! Только... – Он снова улыбнулся, на этот раз чуть смущенно. – Есть очень хочется и... по бабушке соскучился!

– Тогда давай вставать, – с некоторым облегчением произнес дружинник. – Сейчас умоемся и пойдем обедать. А вот насчет бабушки... тут надо спросить разрешения у князя.

После обеда, съеденного в одиночестве, поскольку время дневной трапезы миновало и остальные дружинники уже поели, Скал повел Вотшу в княжеские покои испросить разрешения повидаться с дедом. Однако встретивший их в коридоре замкового дворца Вогнар, книжник Всеслава, сказал, что вожак не станет сейчас разговаривать со Скалом и извержонком, потому что готовит проводы своего брата – Ратмир следующим утром отправлялся назад, в Лютец.

Ранним утром следующего дня дважды посвященный волхв прощался с вожаком стаи, его женой и ближней дружиной. Всеслав затевал прощальный пир, однако Ратмир наотрез отказался пробыть в замке еще сутки – до Лютеца путь был не близкий, а возвращаться ему предстояло в человеческом обличье. Сопровождать волхва должны были четыре дружинника, и, кроме того, с ними шли три вьючные лошади, нагруженные припасами.

Прощание было кратким. На мощеном замковом дворе Ратмир обнял старшего брата, ткнулся холодными губами в его выбритые щеки, молча поклонился княгине и дружинникам и, уже взобравшись в седло, глухо проговорил положенную фразу:

– Спасибо, братья, за хлеб и ласку, пусть ваши лапы и клыки не знают усталости, пусть ваша добыча будет жирной и обильной!

Затем, секунду помолчав, волхв развернулся к южным воротам и тронул коня. Отпустив Ратмира шагов на пять вперед, за ним потянулись дружинники эскорта, ведя в поводу вьючных лошадей.

Когда волхв и его сопровождение удалились метров на двадцать, Всеслав хищно улыбнулся и с едкой иронией выдохнул:

– Вот и свиделись! Сорока лет, как и не бывало! Теперь можно спокойно жить еще сорок лет!

И тут же, словно что-то вспомнив, поморщился, а затем, круто развернувшись, скрылся в дверях дворца.

За воротами замка мостовая кончилась, цокот копыт мгновенно стих – лошади ступили в мягкую, прохладную пыль. Ратмир пустил своего скакуна легким, неспешным шагом прямо посередине одной из главных городских улиц. Справа от него, отстав на половину лошадиного корпуса, следовал Сытня – ратник ста восьмидесяти лет, бывший когда-то дядькой маленького Ратмира и до сих пор обожавший своего воспитанника. Трое других дружинников растянулись следом за волхвом, и замыкавший кавалькаду, самый молодой из четверки сопровождения, Корзя вдруг вполголоса затянул долгую песню.

Над двухэтажными домиками, выстроившимися вдоль городской улицы, уже поднимались легкие летние дымки – горожане готовились к утренней трапезе, но лавки еще не открывались, и в мастерских ремесленников было тихо. Волхв, выпрямившись в седле, внимательно оглядывал проплывавший мимо город.

Край изменился очень сильно. Сорок лет назад, когда Ратмир покинул родной город, чтобы, отказавшись от жизни княжича, посвятить себя Знанию, столица стаи восточных волков была совсем небольшим селением на крутом левом берегу широкой полноводной реки. Совсем молодой, тридцатилетний княжич покидал родину без сожаления, прекрасно понимая, что вожаком стаи ему никогда не стать – к тому времени его старший брат уже был женат, да и его дед, Горислав, был еще в силе. А науки, в том числе и такие, как исчисление звезд или стихосложение, давались ему легко. Дед тоже не слишком горевал, отправляя младшего внука в далекий Лютец, в университет – княжеская ветвь и без того была крепка, а еще один претендент на место вожака мог только расколоть стаю!

И теперь дважды посвященный волхв без сожаления или зависти оглядывал разросшийся и вширь и ввысь город с каменным замком и слободами, перекинувшимися даже за реку. Более того, вид этого огромного скопища извергов, обложивших своими жилищами крошечное, хотя и гордо вознесенное, поселение людей, вызывал в его душе горькую усмешку, а порой и смутную тревогу. Он почти физически ощущал мощную ауру ненависти, страха, презрения и злобы, накрывавшую родной Край. Сорок лет назад она не была настолько ощутимой, настолько плотной!

Прямая неширокая улица полого, наискось перечеркивая довольно крутой склон, спускалась к берегу реки. Чем дальше волхв со своими спутниками отъезжали от замка, тем шире становились пространства между городскими домами, и тем ниже становились сами дома. Рядом с замком двухэтажные каменные строения, принадлежавшие ближним советникам Вожака и старым дружинникам, лепились одно к другому. А здесь, в двух километрах от темно-серых замковых стен, одноэтажные деревянные домики зажиточных извергов, хоть и выходили крашеными фасадами на улицу, строились на приличном расстоянии друг от друга, и их стены соединялись разнообразными заборами, за которыми виднелись сады, огороды, хозяйственные постройки.

Наконец присыпанная тонкой, мягкой пылью дорога вывела путников на берег Десыни, к паромной переправе. Изверг-паромщик – огромного роста детина с припудренной светлой пылью косматой головой, одетый в широкую просторную рубаху и широченные порты, подвязанные веревкой, увидев волхва и его дружину, склонился в низком поклоне и не распрямлился, пока все всадники не въехали по дощатому помосту на настил парома. После этого он громко гаркнул нечто нечленораздельное, и из-под настила, с двух сторон выдвинулись десять пар широких, длинных весел. Раздался новый зычный вскрик паром-

щика, и гребцы, сидевшие в двух ладьях, на которых был установлен паромный настил, разом взмахнули веслами.

Паром отвалил от причала и неторопливо двинулся вперед, наискось пересекая широкую, кристально чистую реку.

Ратмир сошел с коня и прошел вперед, к перилам, ограждающим настил парома. Наклонившись над перилами, он принялся всматриваться в быстро текущую воду, в темноту глубины, прятавшую песчаное дно реки. Ему казалось, что он различает в этой глубине странное шевеление – не то медленный хвост какой-то чудовищной рыбы, не то светлые волосы русалки, расчесанные прихотливым течением. Тишина стояла над утренней рекой, и только плеск играющей перед рассветом рыбы да журчание верхней воды, обтекавшей неуклюжие обводы паромных лодок, нарушали эту тишину.

– Что, княже, не хочется расставаться с родным-то домом? – раздался за его плечом негромкий густой бас старика Сытня.

Волхв улыбнулся про себя – насколько далеко была мысль его старого дядьки от его истинных ощущений. Однако он не стал обманывать ратника и скрывать, что мутные, несущие людской сор и дохлых животных воды Сеньи, протекающей прямо под стеной Звездной башни, милей ему любой другой текучей воды!

Не поворачиваясь к дружиннику, он также негромко ответил:

– Нет, старик, я слишком долго не был в Крае, чтобы считать этот город своим домом. Моим «родным» домом давно уже стали Звездная башня, университет, Лютец...

– Но... – Сытня явно растерялся и не сразу сообразил, что можно возразить на эти слова. – Неужели в тебе не екнула ни одна жилочка, когда ты увидел нашу реку, в которой ты научился плавать, нашу бескрайнюю степь, наш замок. Это же твоё детство, твоё юношество.

– Нет... – Ратмир чуть качнул головой из стороны в сторону. – Мое детство осталось так далеко, что вряд ли я мог бы туда вернуться. Да и... незачем!

Он повернул голову и посмотрел в глаза стоявшего рядом с ним дружинника:

– Ты лучше расскажи, как сам-то прожил эти сорок лет? Сына-то, поди, уже давно женил?

– Нет, – с улыбкой качнул головой Сытня. – Нынешнюю молодежь не уженишь. Парню уже за девяносто перевалило, а он и не думает своим домом обзаводиться – говорит, не встретил еще по душе. Да и то сказать, в княжеском стае жизнь вольготная, ни забот тебе, ни хлопот, всегда сыт, часто пьян, для постельных утех извергиньки под рукой – к чему семью заводите?

– И много в стае Всеслава таких... «молодых»? – недобро усмехнулся Ратмир.

– Из шестисот волков четыре с лишним сотни в холостяках числятся, – пожал плечами старый дружинник.

– А как же женщины в стае живут? – без всякого удивления спросил волхв, словно бы уже зная ответ.

– Да много ли их, женщин-то? – пожал плечами Сытня. – Из женатых волков мало кто дочерей хочет завести, вот и идут, чуть жена понесет, к волхву стаи. Тот над утробой пошепчет – мальчишка родится! Все довольны – отец сыном, князь – молодым волком...

Ратмир внимательно посмотрел на своего собеседника, вспомнив, что так и не повидал волхва стаи, а затем задумчиво, словно бы только для себя, проговорил:

– Какой интересный дар у вашего волхва!

– Да уж, интересный... – недовольно проворчал Сытня. – Он у нас только и умеет, что мальчишек в стаю приводить, да... многогранья лишать!

Ратмир резко повернулся в сторону старика и жестко переспросил:

– Что, многих за эти сорок лет многогранья лишили?!

Старик понял, что сболтнул лишнее, и растерялся, глаза его забегали, стараясь ускользнуть от прямого, жесткого взгляда волхва, но уйти от ответа не посмел:

– Да... как сказать. Последние-то лет десять всего человек двенадцать. А поначалу, как только Всеслав вожаком стал... Тогда многих... того... под обломок подвели. – Сытня вздохнул и, словно оправдывая своего князя, добавил: – Но и Всеслава понять можно – как по другому-то дисциплину, порядок в стае утвердить. Распалась бы стая-то!

«Вот как! – с горечью подумал Ратмир. – Выходит, одним Ватом обойтись не удалось! Это ж сколько сильных, умных волков многогранья пришлось лишить, чтобы братец мой вожаком стал? Это ж как стаю-то обескровили!»

В этот момент тупые носы паромных лодок нырнули под настил причала, и стоявшие на причале изверги приняли сброшенные с парома веревки. Через минуту ограждение с передней части парома было убрано, и перед отрядом Ратмира открылась дорога в степь. Лошади, гулко цокая копытами по настилу причала, сошли на пологий песчаный берег и, быстро преодолев неширокую полосу белого песка, погрузились в волнующееся под утренним ветром море седого ковыля.

Путь отряда лежал на северо-запад, к небольшому городку рысей, стоявшему на излучке неглубокой речушки, совсем недалеко от границы родных для восточных волков лесов. Затем, уже лесной дорогой, надо было следовать на запад, перевалить через невысокие горы, покрытые в это время года роскошной луговой травой, а оттуда до Лютеца оставалось совсем немного, и дорога пролегала по густонаселенным местам.

Весь день отряд без приключений шел широкой рысью сквозь серый, сожженный солнцем ковыль, остановившись только раз, в самый зной на два часа для обеда. Вечером, когда солнце нырнуло за край горизонта и над степью разлилась, наконец, долгожданная прохлада, отряд расположился на ночевку. Ратмир, соскочив с лошади, почувствовал, что ноги плохо его слушаются – он отвык проводить столько времени в седле. Подняв лицо к темнеющему небу, он закрыл глаза и вслушался в окружающие его звуки. Фыркали и переступали с ноги на ногу уставшие кони, негромко переговаривались люди, снимая с лошадей поклажу и готовя лагерь, стрекотали в траве кузнечики, чуть подчиркивала одинокая пичуга. Земля густо выдыхала сквозь покрывавшую ее траву дневной зной, небо рассматривало лежащую под ней землю и едва заметно шевелилось, поднимая прохладный вечерний ветер... Ратмир спокойно, словно нечто ненужное отодвинул в сторону мешавшие ему звуки, издаваемые людьми и другой живностью, и они стихли, пропали... Затем он переключил все свое внимание на жаркое дыхание земли и начал считать про себя его короткие вдохи и длинные, бесконечные выдохи, подбирая из каждого выдоха часть выбрасываемой землей Силы. Его тело вбирало эту Силу, наливаясь бодростью, первобытной, истинной мощью, и когда волхв понял, что Сила переполнила его, он выбросил излишек в небо, словно принося жертву своему могущественному покровителю. И небо приняло его жертву – тело Ратмира сделалось легким и упругим, как порыв ветра перед грозой!

Волхв резко выдохнул и открыл глаза. С того момента, как он покинул седло, не прошло и двух минут, но каким ярким, каким обновленным стал мир вокруг, как будто его омыл весенний дождь!

Спустя пятнадцать минут лошади были расседланы. На освобожденном от травы круге черной земли пылал небольшой костерок, над которым в котелке закипала вода. Рядом с костром, на аккуратно положенном седле сидел Ратмир, и его темные глаза, казалось, были полностью погружены в созерцание пляшущих язычков пламени – еще один источник первобытной Силы.

После весьма скромного ужина Сытня улегся в траву и мгновенно заснул. Искор ушел к лошадям – его очередь сторожить табун была первой. Корзя и Угар, обернувшись волками, ушли в степь. А Ратмир остался около прогоревшего костерка. Улегшись в траву и положив под голову седло, он принялся разглядывать ночное небо.

Небо... Оно давно стало для него открытой книгой! Он быстро отыскал Медведицу и Медвежонка, Гвоздь, вокруг которого вращался небесный свод, Волчью стаю с двумя очень яркими звездами – Вожаком и Матерью рода. А вот и Волчья звезда – одна из пяти одиноких звезд, бродящих из одной звездной стаи в другую. Сегодня она посетила Охотника – вот он, Охотник, если смотреть точно на юг, он завис над самым горизонтом. И застежкой на его поясе сверкает оранжевая капля Волчьей звезды!.. Да благословит она своего щенка! И оранжевый зрачок в черном оке неба вдруг подмигнул, словно услышав мысль волхва.

Ночь прошла спокойно, тихо, только незадолго перед рассветом, в час Неясыти, когда чернота неба начинает разбавляться мутноватой серью, тишину нарушил короткий, придуренный визг. Когда Ратмир проснулся, небо просветлело, и степь уже готовилась принять на себя тяжесть дневной жары. Четверо сопровождавших его сородичей были на ногах, но лошади стояли еще без сбруи и седел.

Увидев, что волхв оторвал голову от седла, служившего ему подушкой, Сытня быстро подошел и негромко произнес:

– У нас неприятность, княжич...

– Что случилось?.. – спокойно спросил Ратмир. Все волки, как он уже успел увидеть, были живы и здоровы, кони также были целы, а все остальное не могло быть серьезным препятствием в пути.

– Посмотри сам... – уклончиво ответил старик, кивнув в сторону от костра.

Волхв поднялся с травы и глянул в указанном направлении. В примятой траве валялось явно безжизненное тело.

– Кто такой? – не поворачиваясь, все тем же спокойным тоном поинтересовался Ратмир.

– Рысь... – коротко ответил Сытня и крикнул, обращаясь к возившимся у коней дружинникам. – Угар, подойди сюда!

Самый молодой из сопровождавших волхва воинов, высокий черноволосый, чуть рябоватый парень хлопнул по спине свою кобылу и направился к Ратмиру. Приблизившись, он с достоинством кивнул княжичу и вопросительно посмотрел на Сытню.

– Рассказывай княжичу, что у тебя с рыськой получилось! – приказал старик.

Парень пожал плечами и спокойно ответил:

– Ближе к утру кони заволновались. Я повернулся волком, чую рысь рядом... Совсем рядом, к коням подкрадывается, едва успел ее в прыжке остановить!

Ратмир секунду подумал и приказал:

– Тело закопать. Холмик насыпать поприметнее... И... отправляемся быстрее!

Двое волков быстро спрятали мертвое тело под мягкой, жирной землей, двое других закончили сворачивать лагерь, и спустя двадцать минут отряд уже снова рассекал ходкой рысью пространство степи. Часа через два на горизонте показались первые невысокие деревца, стоявшие, словно часовые на границе открытой всем ветрам степи и начинающимися чуть дальше к северу лесами. Отряд объехал несколько деревьев, держась от них в стороне, но скоро на его пути показалась довольно большая дубовая роща. Ратмир, не колеблясь, направил свою лошадь к деревьям, и когда до опушки рощи оставалось несколько десятков метров, на нижней ветке одного из дубов появилась большая песочно-рыжая рысь. Несколько секунд она пристально рассматривала приближающийся отряд, а потом прыгнула на землю, но, не долетев до травяного ковра, раскинувшегося под деревом, перевернулась в воздухе, и на траву точно на ноги опустился уже невысокий, поджарый мужчина с ярко-рыжей шевелюрой.

Волхв остановил лошадь, а мужчина, не стесняясь своей наготы, приблизился к нему и, коротко кивнув, чуть шепеляво проговорил:

– Рад приветствовать дважды посвященного волхва на землях восточных рысей!

Ратмир, помолчав несколько секунд, кивнул, приложив правую руку к груди, и произнес положенный ответ:

– Рад приветствовать брата-рыся на его землях. Пусть твоя охота всегда будет удачной!

Рыжий мужик также приложил правую руку к груди и кивнул, а затем задал положенный вопрос:

– С чем пожаловал дважды посвященный волхв на земли восточных рысей? С посольством, с охотой, по личной нужде?

– По личной нужде, – ответил Ратмир. – Я возвращаюсь из родного Края в Лютец, четверо моих спутников сопровождают меня в пути. Мы просим род восточных рысей пропустить нас через свои земли, и обязуемся выполнять законы приютившего нас рода, не охотиться на землях рода и не приносить иного ущерба приютившему нас роду!

Рыжий выпрямился во весь свой небольшой рост и торжественно произнес:

– Род восточных рысей позволяет дважды посвященному волхву из рода восточных волков и его четверым спутникам пройти землями восточных рысей.

Затем торжественность сразу же слетела с него, он шагнул вперед и уже совсем простому сказал:

– Княжич, вожак нашего рода просит тебя сделать небольшой крюк и посетить его лагерь. Он готовит пир в твою честь!

– Я благодарю Великую рысь за оказанную мне честь, – чуть склонил голову Ратмир, – и, несмотря на то что очень тороплюсь, готов отдать день своей жизни, чтобы посетить вожака вашего рода.

– Тогда прошу следовать за мной! – воскликнул мужик и бегом бросился назад к роще.

Ратмир тронул коня и последовал за рысью, а та, оказавшись рядом с первым, стоявшим на опушке, дубом, повернулась к Миру родовой гранью и в мгновение ока оказалась на дереве. Чуть задержавшись на нижней ветке, чтобы удостовериться в том, что гости следуют за ней, рысь неторопливо направилась в глубь рощи, выбирая путь, по которому могли бы пройти лошади отряда.

Через полчаса Ратмир и его спутники, следуя за рысью, миновали рощу и снова выехали на открытое пространство. Здесь их ожидали три воина из рода рысей в облике людей и на лошадях двинулись в их сторону.

Остановившись в пяти шагах от отряда волков, всадник-рысь, ехавший в середине, кивнул и глуховато проговорил:

– Дважды посвященный волхв из рода восточных волков, мне поручено проводить тебя и твоих спутников к князю Велимиру, нашему вожаку. Прощу следовать за мной!..

Вся троица мгновенно развернула коней и двинулась прочь от рощи, сквозь высоченную степную траву.

Волки двинулись следом, причем Ратмир ехал впереди, а остальная четверка – попарно, отставая от волхва на три-четыре метра.

Опасаться волкам, в общем-то, было нечего – о Ратмире были наслышаны все окрестные стаи, и нападать на дважды посвященного волхва не решился бы ни один из вожаков. Во-первых, никто не знал, какими способностями обладал волхв, а эти способности могли быть губительны для любого обидчика, во-вторых, за спиной любого посвященного волхва стоял Совет посвященных, и сердить его – дураков не было. Хотя не все вожаки были довольны деятельностью Совета, большинство стай все-таки поддерживало Совет, да и собственных возможностей Совету хватало, чтобы наказать любого, кто посмеет использовать против посвященного волхва силу! Но... в степи осталась могила молодой рыси, и, хотя рысь сама напала на лагерь волков, разбитый к тому же на их земле, родовая честь требовала отомстить за смерть соплеменника!

Отряд, выросший до восьми всадников и ведомый тройкой местных воинов, двигался теперь почти точно к северу, в сторону показавшегося на горизонте темного бора. В течение трех часов кони неустойчиво бежали по распахнутой шире степи и, наконец, достигли опушки леса. Вдоль нее, словно разделяя степь и лес, пролегла довольно широкая дорога, колеи которой были набиты колесами повозок. Рыси свернули влево и двинулись по наезженной дороге, Ратмир и его спутники последовали за своими провожатыми.

Метров через тридцать Сытня, ехавший справа и чуть сзади от волхва, приблизился к своему княжичу вплотную и негромко прошептал:

– Нас ведут не в столицу.

– Знаю, – также негромко ответил Ратмир.

– Так, может быть... – начал шептать старик, но волхв его перебил:

– Подождем. Возможно, у рысей что-то случилось.

Старый дружинник снова отстал, а спустя еще метров пятьсот рыси, ехавшие впереди, вытянулись цепочкой и свернули с дороги в лес, по едва приметной тропинке.

И тут, словно почувствовав настороженность своих гостей, старший в тройке, чуть обернувшись, произнес своим глуховатым голосом:

– Вожак стаи ушел из столицы. Сейчас он находится в походном лагере, здесь совсем недалеко.

И действительно, буквально через несколько сот метров опушка леса отступила, и справа открылась огромная поляна, заставленная высокими шатрами. Справа, вдоль опушки леса из длинных жердей была устроена коновязь, к которой и направили своих коней рыси.

Едва Ратмир покинул седло, как к нему подскочил молоденький шустрый паренек-изверг и, махнув поклон, быстро проговорил:

– Господин, князь ожидает тебя в своем шатре, я покажу дорогу!

Паренек быстрым шагом направился в сторону самого большого, красно-коричневого шатра, увенчанного огромной, искусно сделанной головой рыси, а Ратмир оглянулся и, увидев, что его спутники также спешили и стоят за его спиной, коротко приказал:

– Угар – около коней, остальные – за мной!

Они были шагах в пяти от шатра князя, когда завеса откинулась и из него вышел вожак стаи восточных рысей – рослый, худощавый старик, одетый очень просто, но с гордо посаженной головой и властным взглядом. Увидев подходившего Ратмира, он шагнул вперед и произнес, глядя прямо в глаза княжичу:

– Рад видеть тебя, дважды посвященный волхв! Волчья звезда указала тебе путь к моему лагерю!

Вожак сам откинул полу шатра и жестом пригласил волков войти.

Ратмир чуть склонил голову, показывая, что войдет в жилище вождя только после него самого, и тогда провожавший их молодой изверг подхватил завесу входа, после чего вождь, а следом за ним и Ратмир со своими спутниками вошли в шатер.

В передней части жилища вожака стаи на толстом шерстяном ковре был поставлен небольшой низкий стол, уставленный напитками и закусками. Князь указал на этот стол и проговорил:

– Твои спутники, дважды посвященный, могут отдохнуть за этим столом, а тебя я попрошу удостоить меня беседой! – И он указал на внутреннюю часть шатра, отгороженную от передней плотной шторой.

После секундного раздумья Ратмир кивнул, соглашаясь, и вслед за князем восточных рысей прошел за штору. Сытня, Искор и Корзя присели около стола на ковер, обменялись взглядами, и Корзя, как самый младший, взял кувшин и принялся разливать пахучую брагу по кубкам.

Князь провел Ратмира в самую дальнюю часть шатра, туда, где коврами была выгорожена небольшая комната, устланная еще одним толстым ковром, на котором также стоял маленький столик, сервированный на две персоны, и были разбросаны ковровые подушки. Вожак жестом пригласил гостя располагаться, и когда тот устроился около стола, разлил по бокалам южное рубиновое вино и сказал:

– Ратмир, я не случайно сказал при встрече, что тебя привела в мой лагерь Волчья звезда. Я обращаюсь к тебе не как к княжичу рода восточных волков, а как к дважды посвященному волхву – мне нужен совет и помощь!

Волхв сделал крошечный глоток из своего бокала, задумчиво оценил букет, а затем взглядом попросил хозяина продолжать.

Однако вожак сначала отхлебнул из своего бокала, выдержал долгую паузу, а затем неожиданно жестким тоном проговорил:

– Волхв нашей стаи лишился разума!

Ратмир вскинул голову, затем, не отрывая глаз от напряженного лица вожака рысей, осторожно поставил свой бокал на стол и тихо спросил:

– Князь, что ты имеешь в виду?!

– Именно то, волхв, что я сказал. – Глаза вожака сузились, их уголки оттянулись к вискам, нос чуть приплюснулся, словно человек начал оборачиваться к Миру родовой гранью – превращаться в рысь. И в его напряженном голосе просквозили шепелявые нотки:

– Наш волхв ведет себя так, словно стая для него не стая, а... стадо! Стадо, которое он может гнать куда угодно и делать с ним что угодно! Он требует, чтобы каждая рысь дважды в год ложилась на Стол Истины! Каждая рысь! Не исключая меня и наших лучших воинов! За несколько последних месяцев он троих лишил многогранья, лишил в одиночку, не соблюдая положенных обрядов! Люди стаи запуганы до того, что им стало мерещиться, будто Извар – так зовут нашего волхва – входит в их... сны!

Вожак вдруг замолк, словно споткнувшись на полуслове, а затем склонил голову и, потеряв все свое напряжение, глухо выдохнул:

– Помоги нам, волхв!

С минуту над столиком висело молчание, а затем Ратмир осторожно поинтересовался:

– А ты, князь, не пробовал обратиться в Совет посвященных? Мне кажется, вам может помочь только он!

– Я дважды посылал гонцов в Совет... – ответил вожак, не поднимая головы. – Первый раз это было настоящее посольство – пять человек. Все они пропали еще на наших землях. После этого я послал своего самого лучшего разведчика. Он ушел, повернувшись к Миру родовой гранью... Две недели спустя мне в шатер подбросили его голову...

Ратмир внимательно посмотрел на вожака и спросил:

– Получается, что у вашего волхва есть... союзники?

Князь еще больше опустил голову, сгорбился и совсем тихо проговорил:

– Есть, дважды посвященный... Мой младший сын и еще несколько молодых рысей...

Теперь Ратмиру стало ясно все. В стае восточных рысей разыгралась, в общем-то, вполне тривиальная драма – схватка за верховную власть. Необычным в этой истории было только то, что волхв стаи поддержал не вожака, а притязания молодого княжича... младшего княжича. Значит, старший сын князя оставался в стане отца... Расклад был ясен, и вмешиваться в эту, сугубо внутреннюю, распрю Ратмиру не подобало. Однако и категорически отказать вожаку стаи в помощи он не мог. Не только давнее знакомство и добрые отношения с вожаком стаи восточных рысей мешали этому – звание дважды посвященного также налагало некоторые обязанности.

Ратмир, как всегда спокойно, внутренне отстранясь, оценил ситуацию и, сохраняя ровный тон, предложил:

– Мне кажется, князь, что я смогу помочь тебе только одним способом – передать все, что услышал от тебя, в Совет посвященных и попросить от твоего имени прислать в стаю судей.

Только после этих слов вожак поднял голову. В глазах его плескалась тоска, и, словно бы преодолевая эту тоску, он сказал:

– Волхв, в самом лучшем случае судьи Совета придут в стаю дней через двадцать, а, скорее всего, это произойдет через две луны. К тому времени наша стая будет совсем обескровлена! Прошу тебя, поговори сам с Изваром, объясни ему...

Но Ратмир отрицательно покачал головой, обрывая порывистую речь вожака.

– Я не уполномочен вести такие переговоры, – проговорил он, как только князь замолчал. – И если я выскажусь на эту тему, Извар справедливо укажет мне на то, что я вмешаюсь не в свое дело. Ты же знаешь, князь, как болезненно воспринимают многогранные чужое вмешательство во внутренние дела стаи, даже Совет посвященных не всегда решается на это!

Вожак снова опустил голову и обреченно произнес:

– Хорошо, дважды посвященный, передай Совету мою просьбу – я думаю, просьба вожака стаи... пока еще вожака стаи... будет достаточным основанием для вмешательства Совета во... внутренние дела стаи...

– В таком случае, князь, – поднялся со своего места Ратмир, – мы сейчас же отправимся дальше. Если можно, дай нам провожатого до границы своих земель – я хотел бы как можно скорее покинуть их!

Вожак поднял голову и внимательно посмотрел в невозмутимое лицо волхва.

– Ты думаешь, что Извар может попробовать остановить и тебя?

Этот вопрос сорвался с губ вожака произвольно и был похож скорее на утверждение.

На губах волхва появилась едва заметная улыбка, и он спокойно ответил:

– Не думаю, что он решится на такое... Просто не хочу терять время.

Вожак кивнул, и глаза его блеснули, словно ему в голову пришла интересная мысль:

– Я дам тебе провожатого... до самого Лютеца! И, кроме того, он станет моим посланцем к Совету!..

Князь встал со своего места и, шагнув вперед, распахнул перед своим гостем выход в центральную часть шатра.

Через десять минут Ратмир и его отряд снова были в седлах. Рядом с ними на рыжей кобыле гарцевал Дерц, старший сын вожака стаи. Именно его князь отправлял с отрядом волков в качестве проводника и своего посла.

Дерц повел пятерку волков сначала точно на север, сквозь лесную чащу, обходя княжеский город рысей, в котором оставался его младший брат с волхвом стаи и поддерживавшей его молодежью.

Поначалу тропа, на которую княжич вывел отряд, была достаточно широкой, чтобы на ней могли разойтись две лошади, а потому кони Ратмира и Дерца шли рядом, и волхв не преминул воспользоваться этим. Как только они удалились от лагеря рысей на достаточное расстояние, волхв, бросив пару быстрых взглядов на скакавшего рядом мужчину, задал вроде бы нейтральный вопрос:

– Я этой дорогой ни разу не ездил... Долго нам добираться до границ земель вашей стаи?

– Трое суток... – не поворачивая головы, ответил Дерц. – Может быть, чуть больше... Если нам никто не помешает.

– Ну-у-у... – откровенно усмехнулся Ратмир. – Кто же это может нам помешать?

– Мой... брат! – все так же, не поворачиваясь, ответил проводник, и голос его прозвучал жестче.

Волхв немедленно отметил легкую запинку в голосе Дерца перед словом «брат».

– Ты считаешь, что твой брат может отважиться на выпад против меня? – снова и на этот раз гораздо откровеннее усмехнулся Ратмир.

– Он ни на что не может отважиться... – В голосе рыси появилась горечь. – Он просто сделает то, что ему прикажет Извар!

– Как же вождь допустил, чтобы его сын попал под столь серьезное влияние волхва? – удивился княжич.

Только сейчас Дерц оторвал взгляд от убегающей под ноги коня тропы и посмотрел в лицо дважды посвященному волхву. В этом взгляде Ратмир уловил нечто такое, что неожиданно для самого себя сказал:

– Я хорошо помню Извара, в университетской школе он не показывал особой одаренности, но был достаточно спокоен и уравновешен... Именно поэтому его допустили к посвящению, но затем не оставили в университете, а сразу же отправили обратно в родную стаю.

– Я тоже помню его возвращение... – проговорил Дерц, снова уставившись на тропу. – Как помню и его поединок с нашим прежним волхвом... После его приезда из Лютеца не прошло и одного месяца, а он уже вызвал старого Торда на состязание. Извар, по мнению моего отца, был еще слишком молод для того, чтобы занять место волхва в стае. Отец уговаривал его отложить поединок на пару-тройку лет – он не хотел потерять молодого способного волхва, и Торд обещал ему года через два добровольно уступить место, но Извар требовал поединка или позорного изгнания Торда из стаи... Я наблюдал за этим поединком!

– Поединок волхвов был открытым?! – изумился Ратмир.

– Да, – кивнул Дерц. – Он проходил на городском ристалище в присутствии всех многогранных стаи... Правда, мы тогда мало что поняли.

– Но вы все-таки что-то увидели?..

Дерц снова кивнул:

– Торд и Извар вышли на ристалище с разных концов. Остановились в пяти шагах друг от друга и начали... петь. – Дерц как-то странно пожал плечами и продолжил: – Что именно они пели, было непонятно, знакомые всем слова звучали очень редко, и голоса обоих то стихали, то звучали сильнее. А потом Извар неожиданно завизжал, а Торд упал и... умер. Вот и все. После этого Извар стал волхвом стаи.

Дерц замолчал, а Ратмир, подождав пару минут продолжения, вынужден был спросить:

– И что же произошло после этого?

Дерц молчал очень долго, а затем, быстро взглянув на волхва, заговорил:

– Да, в общем-то, ничего не произошло. Лет пятнадцать Извар выполнял свои обязанности не хуже и не лучше старого Торда. А вот года три назад он вдруг объявил, что нашел еще одного сына вожака стаи. Для моего отца это было полной неожиданностью... надо признать – приятной неожиданностью. Однако князь нашего рода – человек очень осторожный, он потребовал доказательств, что привезенный из дальнего села юноша и в самом деле приходится ему сыном. Извар предъявил такие доказательства – женщину из того самого дальнего села, которая не знала, каким образом попала в это село и кто ее родители, но точно помнила, что двадцать два года назад вожак стаи восточных рысей охотился в их лесу и ночью соблазнил ее. Правда, она не отрицала, что князь был весьма навеселе, но этот факт значения, конечно же, не имел. Отец тут же бросился к хроникам своего княжения, но записи за тот год, на который приходилось посещение этого села, почему-то не сохранились. Сомнения у него были большими, но мать моего новоявленного братца предъявила княжеский подарок, якобы врученный ей вожаком именно в ту самую ночь – золотое кольцо с кроваво-красным камнем. Отец припомнил, что подобное кольцо действительно было в княжеской сокровищнице, но он его уже давно не видел. И тогда Извар предложил князю лечь на Стол Истины, чтобы попытаться «вспомнить» этот случай, но отец, конечно же, отказался.

Дерц взглянул в лицо волхву, и тот кивнул, показывая, что отлично понимает мотивы такого отказа – вспомнить на Столе Истины события двадцатилетней давности практически невозможно, и даже пытаться сделать это весьма опасно.

– Однако после отказа отцу пришлось признать этого... «сына». Вот так у меня появился брат! Женщину и ее отпрыска переселили в княжеский город, но прожила она недолго – месяцев через пять после переезда она тихо, даже как-то незаметно, умерла.

Княжич-рысь снова пристально посмотрел в лицо Ратмира и, увидев, что тот внимательно его слушает, продолжил:

– А шесть месяцев назад мой брат вызвал на поединок отца!

– То есть как?! – изумился волхв.

– Вот и мы тогда тоже очень удивились, – усмехнулся Дерц. – В стае восточных рысей не было такого случая, чтобы сын поднимал руку на отца. А кроме того, мой... «братец» едва умеет держать в руке оружие – такой поединок был бы простым убийством!

Княжич на секунду запнулся и затем поправился:

– Нет, не просто убийством, а убийством сына. Получалось, что князь при любом исходе этого поединка терял моральное право оставаться вожаком!

– Один момент! – перебил его Ратмир. – А чем, собственно говоря, был обоснован этот вызов?!

Дерц с горькой иронией пожал плечами:

– Мальчишка сказал, что желает возродить обычай выбирать вожаком самого сильного бойца стаи. И поскольку самого сильного бойца может выявить только поединок, он вызывает того, кто в настоящее время считается самым сильным.

– Но ведь это – чистой воды словоблудие! – возмутился волхв. – Вожаком стаи всегда выбирали не самого сильного и даже не самого умелого воина, а самого умного и опытного человека!

– Именно так ему и ответил отец, а кроме того, он намекнул, что... брат не слишком умел в обращении с оружием. Однако мальчишка заявил, что отец просто боится выйти против него на ристалище! Но вот что самое противное: десятка два младших дружинников поддержали молокососа... – Дерц вздохнул. – Все это выглядело достаточно смешно и кончилось бы ничем, ну, может быть, парой оплеух, если бы на сторону моего... «братца» не встал волхв стаи. После этого мы поняли, кто в самом деле пошел против вожака стаи, кто ее... расколол! И вот тогда нам стало не до смеха!

Княжич-рысь горько усмехнулся и замолк, а княжич-волк вдруг вспомнил жену своего старшего брата:

«Да... Права умница Рогда – наш Мир меняется, причем изменения эти порой слишком кардинальны, неожиданны и... тревожны! Где и когда было, чтобы сын, тем более побочный, поднимал руку на отца, чтобы волхв стаи шел против закона, против обычаев стаи, против... вожака? И, главное, не понятно, зачем Извар это делает. Неужели он надеется... захватить власть?»

Все, что происходило в стае восточных рысей, было необычным до нелепости. Никогда волхв стаи не бывал ее вожаком! И это было... естественно – волхв не мог быть князем просто потому, что он никогда не бывал бойцом, лидером. Волхв... любой волхв – это, прежде всего, разум, рассудок, познание окружающего мира и места человека в нем. А значит – сомнение, размышление, сопоставление и только после этого – выбор! Волхв призван быть советником, холодным и рассудительным, он, стоящий чуть выше, чем все остальные, призван быть... совестью стаи. Первое, чему учили будущих волхвов, было подавление собственных страстей, отстраненность от Мира, от его соблазнов, в них вырабатывали беспристрастный взгляд со стороны на все происходящее вокруг. Если отрок-ученик не мог этому научиться, его отсылали назад в стаю – Познание было для него закрыто!

И вот он, дважды посвященный волхв, узнает, что его коллега, пусть и пониже рангом, стремится к... власти! Но если волхвы начнут соревноваться во властолюбии с вожаками стай...

Тут мысль Ратмира запнулась... Он не мог решить для себя, плохо ли это, и если плохо, то насколько.

Между тем тропа, по которой они продвигались, сузилась, а потом неожиданно вынырнула на широкую ровную поляну, покрытую невысокой сочно-зеленой травой. Дерц, выдвинувшийся вперед на корпус лошади, остановился на опушке, внимательно оглядел казавшуюся совсем мирной поляну, а затем снова тронул коня. Ратмир последовал за ним и, оказавшись на открытом пространстве, мгновенно поднял голову вверх. Над поляной, высоко в небе медленно, словно бы лениво кружились две большие птицы. На такой высоте даже его наметанный глаз и тренированное чутье не могли определить, истинные это птицы или же люди, повернувшиеся к миру одной из своих граней.

Отряд неторопливо пересек поляну и снова углубился в лес. Густые кроны высоких деревьев опять закрыли небо, и никто из отряда не видел, как одна из птиц, висевших над поляной, прервала свой неторопливый круг, резко наклонилась и, свалившись в пологое пике, понеслась на юго-запад, в сторону покинутой вожаком столицы стаи восточных рысей!

Когда солнце перевалило на вторую половину дня, отряд волков остановился. Коней не расседывали, и обед был по-походному скор и скуден. После обеда волки отдохнули еще с полчаса и снова поднялись в седла. До вечера они миновали еще четыре довольно большие поляны, но небо над ними было пустым. А когда небо потемнело и над верхушками деревьев начали зажигаться звезды, отряд остановился на ночлег.

Стреножив лошадей, Корзя и Угар обернулись к Миру родовой гранью и ушли на разведку. Сытня и Искор принялись разводять огонь – совсем небольшой костерок, спрятанный под огромным корневищем поваленного дерева, а два княжича, усевшись на стволе поваленного дерева, продолжили начатый днем разговор. Только теперь он свелся к вопросам, которые задавал Ратмир, и ответам Дерца.

– Неужели за пятнадцать лет вы не заметили в Изваре ничего... необычного?

Княжич-рысь долго молчал, и было непонятно, то ли он вспоминает странности в поведении волхва стаи, то ли не желает отвечать на заданный вопрос. Но когда Ратмир уже перестал ожидать ответа, тот вдруг заговорил:

– Я никогда об этом не думал... А вот когда ты задал свой вопрос, я вдруг понял, что волхв порой на самом деле вел себя достаточно странно! Лет пять назад он ездил в Лютец для беседы с Вершителем. Не знаю, о чем они говорили, но вскорости после возвращения он вдруг спросил меня, что я буду делать, если после смерти отца меня не выберут вожаком? Этот вопрос был для меня неожиданным – я ведь не помышлял о том, чтобы наследовать отцовское место в стае...

– А разве твой дед не был вожаком? – неожиданно для самого себя поинтересовался Ратмир.

Дерц внимательно посмотрел в глаза волхва и пожал плечами:

– Нет... Моего отца выбрали после смерти предыдущего князя... Тот погиб в стычке с горными медведями.

– И что же ты ответил на вопрос вашего волхва?.. – вернулся к теме разговора Ратмир.

– Вот то же самое и ответил... Что не думаю о наследовании отцовского места в стае. Да и отец никогда со мной о таком наследовании не говорил... И тогда Извар предложил мне... жениться на девушке, которую он укажет, а если у нас родится сын, он позаботится, чтобы я стал вожаком стаи... Он даже обещал, что я буду ждать этого момента не слишком долго! Тогда я только посмеялся, ни о женитьбе, ни, тем более, о месте вожака я не думал,

да и отец мой был в полной силе. Больше со мной Извар об этом не заговаривал, так что я об этом разговоре позабыл... А вскорости отыскался и мой сводный брат.

– А твой брат женат? – тут же переспросил волхв.

Дерц снова взглянул на Ратмира, и на этот раз в его глазах промелькнуло удивление:

– Да... он женился месяцев через шесть после того, как поселился в столице. Мы еще удивлялись такой быстрой свадьбе – его мать только-только умерла, так что свадебную церемонию пришлось сильно урезать, но братец был согласен на все, лишь бы поскорее жениться!

– И дети у него уже есть? – немедленно задал Ратмир новый вопрос.

– Две девчонки, – коротко ответил Дерц.

– Двое детей за два с половиной года? – удивленно протянул волхв и покачал головой. – Как же его жена переносит беременность?

Последний вопрос был, в общем-то, обращен волхвом к самому себе, однако княжич-рысь неожиданно ответил на него:

– Да нормально переносит. Мне кажется, сейчас она снова тяжела.

– А она точно... многогранная?!

И снова в глазах Дерца мелькнуло удивление:

– Братец хвалился, что его жена может повернуться к Миру четырьмя гранями.

– Хвалился? – переспросил волхв. – А кто-нибудь видел эти ее повороты?

Княжич-рысь молча пожал плечами.

В этот момент Сытня позвал обоих княжичей к ужину, и разговор прервался.

А после ужина Дерц сразу же завернулся в плащ и улегся под деревом в траву, словно давая понять, что его утомили бесконечные расспросы Ратмира. Волхв уселся на небольшой бугорок под другим деревом и принялся рассматривать ночное небо, усеянное звездами, и размышлять об услышанном от Дерца. Впрочем, до конца понять цель волхва стаи восточных рысей он все еще не мог или... не хотел!

Спустя пару часов вернулись Корзя с Угаром, и Ратмир тут же уловил четкую мысль старшего дозорного:

«На нашем следе никого нет, впереди тоже все чисто...»

Волхв удовлетворенно кивнул и прикрыл глаза. Спустя пару минут его дыхание стало едва заметным...

Обычно сон Ратмира был короток, глубок и покоен. Его сознание полностью отключалось от Мира, и никакие тревоги, радости или заботы не способны были проникнуть за завесу сна, пробудить подсознательные видения, нарушить отдых его разума. Однако на этот раз что-то постороннее настойчиво внедрялось в отдыхающий разум, тревожило его, рождало смутные, неразборчивые, быстро сменяющиеся образы... А затем из этого невнятного, неопределимого мелькания выплыло лицо... Оно напоминало волхву что-то знакомое и при этом было мрачно и неподвижно, только в светло-рыжих глазах, внимательно глядававшихся в глаза самого волхва, искрой прорывалась... ненависть! Несколько секунд Ратмир всматривался в эти неподвижные, рассматривающие его глаза, а затем в его голове прорезался тихий, словно бы настороженный шепот. Сначала он был невнятен, обрывист, но постепенно набрал уверенность, даже напористость:

«Чужак... чужак, хоть и дважды посвященный волхв... Ты все равно останешься чужим на этой земле, в этой стае... И чужаку негоже вмешиваться в дела приютившей его стаи – как дважды посвященный ты должен отлично это знать... понимать. Чужак своим вмешательством только усугубит распрю, какими бы благими намерениями он ни руководствовался, и ты знаешь это... понимаешь это... Уходи быстро и не оглядываясь, забудь все, что узнал, все, что увидел, все, что легло на твой слух. Любое твое вмешательство, даже простое упоминание об увиденном здесь, услышанном здесь станет неизбежным злом, если ты расска-

жешь это где-нибудь! Молчи, не вмешивайся, и все придет к порядку... к гармонии, и ты не понесешь утрат, назначенных тебе Роком за разглашение увиденного, услышанного... Уходи сам и уводи своих спутников... а рысь оставь, оставь мне!.. Она – моя... только моя... и ей предначертано уйти в... сон... в последний сон!»

И тут, перебивая настойчивый шепот, у Ратмира в голове возникла его собственная мысль:

«Я не оставлю рысь... Это – мой друг, я не позволю ей погрузиться в ее последний сон!»

Шепот на мгновение стих, а затем зашелестел еще настойчивее:

«Рысь, ведущая тебя, не твоей стаи! Рысь, ведущая тебя, не прошла посвящения, а значит, никак не связана с тобой! Она моя по земле, по крови, по родовой грани! Оставь ее мне, она получит то, что искала, то, что заслужила. Если ты не послушаешь меня, лапа ночи ляжет на твое горло, и ты не откроешь глаз с восходом солнца!»

И снова ответом на этот настороженно-настойчивый шепот стала собственная, чуть насмешливая, мысль:

«Ты разве спрашивал Рок, что пророчишь мне лапу ночи?! Ты разве смог заглянуть в будущее, что нашептываешь мне его?! Мне – дважды посвященному?»

Несколько секунд сон Ратмира был нем и слеп абсолютной темнотой, а затем в его голове прозвучало с оттенком жалости:

«Ты сам выбрал это, дважды посвященный...»

И в следующее мгновение чернота его сна взорвалась беззвучными, разноцветно мерцающими искрами. Они рассыпались переливающимся всполохом и закружились в замысловатом танце. Шепот смолк, но даже если бы он продолжал звучать, волхв вряд ли услышал его – этот мерцающий, переливающийся хоровод, кружащийся перед глазами, полностью завладел его вниманием. Движение мерцающих искр постепенно, очень медленно убыстрялось, усложнялось, взвихривалось, настойчиво притягивало к себе внимание, лишало возможности сосредоточиться на чем-то другом. Ратмир не мог определить, как долго всматривался он в это лихорадочное, мерцающее кружение, но вдруг он почувствовал, что... задыхается! Задыхается на выдохе!!! И почти сразу же понял, что не дышит уже давно, но, как только он судорожно потянул в себя воздух, мышцы шеи скрутило жесточайшей судорогой, жестким жгутом перехватывающей горло!

Обычного человека в этот момент обязательно должна была накрыть паника, и тогда его конец был бы неизбежен, но Ратмир был дважды посвященным волхвом! Его тренированный организм действовал сам по себе, не дожидаясь рассудочного решения – он вынырнул из своего сна, но не в явь, а вглубь, в темноту подсознания. Разум угас, отдавая власть над мышцами и сухожилиями подсознательным рефлексам, и в следующий момент внутреннее напряжение ушло, все тело расслабилось, судорога, скрутившая его горло, растаяла, и легкие немедленно втянули в себя первую порцию свежего воздуха. Первые два-три вдоха были судорожными, но почти сразу же дыхание нормализовалось. И тут же его сознание проснулось, вернулось в явь из почти завладевшего им кошмара-сна, но память об этом кошмаре осталась очень яркой!

Ратмир открыл глаза. Небо над ним было по-прежнему расцвечено мириадами звезд, и по их расположению он сразу понял, что проспал не более часа. Несколько секунд он прислушивался к окружающему миру, пытаясь определить, нет ли поблизости чужих, однако вокруг царил тишина, нарушаемая лишь обычными звуками ночи. Волхв медленно, осторожно приподнялся и сел, затем огляделся «волчьим» глазом и снова не заметил ничего подозрительного. Значит, у него было время обдумать свой сон.

Первым его порывом было поднять своих спутников и во всю прыть мчаться прочь с земель восточных рысей. Однако он смог обуздать это желание – до границы было достаточно далеко, им пришлось бы провести в седлах не меньше двух суток. Хотя двое суток без

сна и отдыха были волкам вполне по силам, его остановило то соображение, что сила Извара – а в том, что его сон посетил именно Извар, сомнений не было, – вполне могла распространяться и за пределы родовых владений. Признаться, он сам никогда не слышал о способности волхвов входить в чужие сны и... действовать в чужих снах, поэтому и оценить эту способность, определить ее мощь не мог. Кроме того, Извар, конечно же, послал своих рысей наперехват отряда волков – ведь он безусловно знал и маршрут их следования, и теперешнее местонахождение! Выходит, им предстояла схватка с превосходящими силами, так что они, скорее всего, понесут потери... а уж Дерц-то погибнет наверняка! Конечно, он сам доберется до Лютеца и доложит Совету посвященных о происходящем в стае восточных рысей, вот только... захочет ли Совет вмешиваться?..

И тут Ратмир вдруг понял, что его самого весьма задело поведение волхва стаи восточных рысей. Извар явно переступил некую моральную черту, поставил себя вне сообщества посвященных, а в этом случае он, Ратмир, должен был остановить волхва стаи! Он должен был обуздать преступника и поставить его перед Советом посвященных, чтобы тот дал отчет о своих деяниях, понес заслуженную кару! Значит?..

Ратмир вскочил на ноги и тронул за плечо спавшего невдалеке Сытню. Старик, продолжая лежать неподвижно, открыл глаза и взглянул в лицо волхва. В его взгляде читался спокойный вопрос.

– Поднимай всех... – одними губами прошептал Ратмир. – Мы немедленно возвращаемся в лагерь рысей.

Спустя десять минут отряд был в седлах. Волки без всякого удивления приняли решение своего вожака о возвращении, видимо, поэтому и княжич-рысь не стал задавать вопросов, хотя по его виду было ясно, что он сбит с толку и не понимает происходящего!

Поначалу лошади шли осторожно, небыстро, ночной лес не позволял слишком разгоняться. Когда же небо начало светлеть и на лес опустился предутренний туман, скорость передвижения отряда еще больше упала, однако Ратмира это обстоятельство, казалось, не слишком тревожило. Он послал свою лошадь рядом со скакуном Дерца и негромко проговорил:

– Нам надо постараться не выезжать на открытое пространство, лес сейчас наш главный союзник!

Княжич-рысь молча кивнул, и волхв снова оттянулся назад, пустив лошадь следом за проводником. Около часа Ратмир внимательно наблюдал за окружающими отряд зарослями, но ничего подозрительного не происходило. Лес проснулся и жил своей обычной жизнью. Дерц возвращался к лагерю своего отца совершенно другой дорогой – деревья сомкнули свои ветви над головами всадников, и небо не проглядывало сквозь плотную листву ни на мгновение.

Убедившись, что проводник знает, что делает, и лошади идут ходкой рысью по едва заметной, но достаточно свободной для конного строя тропе, волхв опустил голову и о чем-то глубоко задумался.

К лагерю вожака восточных рысей они выехали в середине дня. Когда деревья расступились, открывая поляну, заставленную шатрами, Дерц остановил свою лошадь и, обернувшись, предложил:

– Я поеду вперед, предупрежу отца о том, что вы возвратились...

Ратмир в ответ отрицательно покачал головой:

– Нет, мы поедем вместе. Теперь уже скрывать наше возвращение не имеет смысла... да и вряд ли это возможно, в лагере князя наверняка есть соглядатаи Извара. Просто нам теперь надо действовать очень быстро.

Княжичи пришпорили коней и вихрем вынеслись к лагерю. Спустя две минуты они уже были в палатке князя, и волхв, убедившись, что в палатке никого, кроме его волков и жоака с сыном нет, быстро проговорил:

– Князь, тебе надо немедленно принять вызов своего сына! Но на ристалище столицы тебе выходить ни в коем случае нельзя. По обычаям стаи, ты, как вызванная сторона, имеешь право назначить место и время схватки, а также выбрать оружие. Так вот, оружие – это дело твоего выбора, а местом схватки назначай сборную площадь твоего лагеря. И провести эту схватку надо как можно быстрее!

– погоди, погоди! – покрутил головой князь. – Сначала объясни, почему вы вернулись, ты изменил свое решение?

– Я тебе позже все объясню! – спокойно и в то же время напористо ответил Ратмир. – Время для объяснений у нас еще будет. Но сейчас надо срочно послать гонца к твоему младшему сыну с известием о том, что ты принимаешь его вызов и назначаешь поединок здесь и сегодня вечером... В крайнем случае – завтра утром!

– Хорошо!.. – сдался жоак. – Я пошлю Дерца!..

– Нет! – немедленно возразил волхв. – Твой старший сын не должен встречаться с вашим волхвом. Извар за ним охотится.

Жоак стаи восточных рысей внимательно посмотрел на дважды посвященного волхва и кивнул:

– Ясно... Поедет...

– Подожди! – прервал его Ратмир. – У тебя есть кто-то, кого ты подозреваешь в связи со своим младшим сыном или с Изваром?

Секунду подумав, князь утвердительно кивнул.

– Тогда ты пошлешь к своему противнику именно этого человека, но только после того, как мой отряд покинет твой лагерь!

– Вы собираетесь уехать?! – встревоженно воскликнул князь.

– Да! – Волхв неожиданно улыбнулся. – Мои волки покинут твой лагерь, а вместе с ними уедет... Дерц.

– То есть? – не понимая, переспросил князь.

– Ну-у-у... Он немного проводит нас и тут же вернется. После этого твой посланец отправится с вызовом...

– Но ты обещал мне рассказать... – начал жоак, однако волхв снова его перебил:

– Делаем, как я сказал, и клянусь, ты скоро все узнаешь!

Жоак секунду молчал, затем кивнул, соглашаясь, и пошел к выходу из шатра.

Пятеро волков и Дерц снова поднялись в седла и шагом направились к опушке леса, и весь лагерь видел, как уезжают гости стаи. А спустя пару часов старший сын жоака вернулся и, медленно проехав через весь лагерь, слез со своей рыжей кобылы около отцовского шатра. Рыси, стоявшие на страже у входа в шатер, обратили внимание на то, что лицо Дерца было бледно, а на висках выступила испарина.

В переднем помещении шатра жоак давал указания одному из своих советников, отправлявшихся в столицу с посланием к младшему княжичу. Увидев входящего сына, он кивнул в сторону внутренних покоев:

– Пройди туда, я сейчас освобожусь и вызову тебя.

Дерц скрылся за занавесом, отделявшим внутренность шатра от передней, и замер, прислушиваясь к окончанию разговора.

– ...Так и передай – я не могу терпеть дальше распрю в стае и вынужден принять его вызов. Схватка произойдет сегодня, сразу после захода солнца, на площади моего лагеря. Если какие-то дела не позволят Орту прибыть к указанному времени, я буду ждать его завтра утром до восхода солнца. Завтра, до восхода солнца распря должна быть прекращена!

– Князь, сколько человек может привести с собой твой младший сын? – Голос советника был почтителен, но в нем сквозила едва заметная насмешка. Однако вожак, казалось, не замечал этой странной интонации.

– Сколько угодно! Ведь на ристалище он более одного меча и одного кинжала не вынесет!

– Значит, выбранное тобой оружие – меч и кинжал? – быстро переспросил советник.

– Да, – подтвердил вожак и после короткой паузы добавил: – Затупленный меч и затупленный кинжал, если он не желает драться до смерти. В противном случае на ристалище выйдут две рыси!

– Я понял, князь... – и снова в голосе советника промелькнула легкая смешинка.

– Тогда отправляйся. Возьми с собой двух сопровождающих... хотя не думаю, что тебе что-то угрожает, – проговорил князь.

Дерц понял, что разговор окончен, и быстрым шагом направился в дальнее помещение шатра, туда, где вожак беседовал с Ратмиром.

И действительно, спустя каких-нибудь две минуты вожак вошел в дальнюю «комнату» и с явным раздражением поинтересовался:

– Ну?! Когда вернется этот... дважды посвященный?! Я по его совету послал к Орту в столицу гонца! Ратмир обещал объяснить мне, что он задумал, а теперь получается, что объяснений мне получить не от кого?

– Ну почему же, князь, – неожиданно усмехнулся Дерц, – я тебе все объясню прямо сейчас. Я же говорил тебе, что время для объяснений у нас будет предостаточно!

Вожак сделал шаг назад и изумленно уставился на своего сына. Лицо Дерца как-то странно дрогнуло, поплыло, размылось, его черты начали стремительно меняться, и спустя несколько секунд на князя смотрели темные с зеленоватым отсветом глаза волка!

– Успокойся, князь, – негромко проговорил Ратмир, указывая хозяину шатра на ковровые подушки, лежащие вокруг маленького столика. – Присаживайся, выпьем и поговорим...

Князь осторожно шагнул к столику, опустился на ковер и, не сводя глаз со своего все еще стоявшего гостя, спросил:

– А где же мой сын?..

– Он остался с моими волками... – ответил волхв, опускаясь на ковер напротив вожака. – С ними он будет в полной безопасности.

– Мне казалось, что в моем лагере мой сын в полной безопасности... – недовольным тоном проворчал вожак. Он быстро пришел в себя после неожиданного превращения собственного сына в волхва, видимо, такое чародейство было ему известно.

– Мне тоже казалось, что я в полной безопасности на ваших землях, несмотря на распрю в вашей стае. Однако прошлой ночью, едва я сомкнул глаза, в мой сон пришел... ваш волхв. И знаешь, князь, что он уговаривал меня сделать? – Князь ничего не ответил, но Ратмир и не ожидал от него ответа. – Он потребовал оставить ему Дерца, обещая за это беспрепятственно пропустить меня к границе ваших земель. И он пригрозил мне смертью в случае моего отказа!

– Так... значит... – растерянно пробормотал вожак, пытаясь сообразить, каким образом волхв сумел сохранить жизнь его сыну и при этом сам избежал смерти.

– Так... значит... – невольно передразнил его волхв, – мне удалось выйти из сна, и я сразу же вернулся назад, в твой лагерь! Однако от этого угроза для твоего сына не стала меньше. Впрочем, тебе тоже угрожает смерть!

– Мне... смерть?! – изумился вожак. – Откуда? От кого? С чего ты взял?

Ратмир, словно бы в противовес изумлению вожака, помолчал с минуту, а затем заговорил спокойно, неторопливо:

– Если бы ты смог хоть немного отрешиться от привычного взгляда на Мир, ты тоже догадался бы, что творится в твоей стае. Смотри – сначала у вас сменился волхв. И смена эта была необычна, не так, как она происходила до этой поры. Если бы Извар твердо соблюдал все законы и обычаи, он спокойно дождался бы ухода Торда и только после этого занял его место. Однако он добился поединка! Но что самое непонятное – вы все, и ты сам, и вся стая восприняли поединок волхвов как нечто вполне допустимое! Подумай, вспомни, мог бы произойти такой поединок при прежнем князе?

Вожак опустил голову, немного подумал, а затем согласно кивнул:

– Ты прав, дважды посвященный, Извар действовал необычно, но... Ты понимаешь, это получилось как-то само собой!

– Да... само собой... – с неприкрытой горечью повторил вслед за ним волхв. – А потом, немного повременив, волхв представил тебе якобы отыскавшегося сына! И ты даже не задумался, почему мать твоего ребенка до сих пор не сообщала тебе о рождении мальчика! А ведь это совсем не позор для истинной женщины родить сына от вожака стаи! Ты признал этого мальчишку своим сыном, хотя доказательства, как я понял из рассказа Дерца, были весьма спорными! Но ты его принял... может быть, потому что сейчас в этом нашем Мире стало непопулярно быть... жестоким... бессердечным? – Ратмир покачал головой. – Да я и сам, услышав от тебя о случившемся в вашей стае, спокойно покинул ее, пообещав тебе судей от Совета посвященных! Я и сам поначалу решил, что это просто немного необычная, но вполне допустимая размолвка между отцом и сыном – младшим, воспитанным без отца сыном, которая закончится небольшой схваткой на мечях или решением судей Совета. Если бы Извар не пробрался в мой сон, я сейчас был бы уже далеко, и твоя участь была бы решена! Только после того, как ваш волхв решился на угрозы в адрес дважды посвященного, я задумался о причинах распри в твоей стае и смог понять их!

– И каковы же они? – Вопрос вожака прозвучал недоверчиво.

– Причина в том, что волхв стаи жаждет захватить в ней власть! – коротко и жестко отрезал Ратмир.

Несколько секунд в палатке висела тишина, а затем князь отрицательно покачал головой и проговорил:

– Нет, это невозможно!! Волхва никто не выберет вожаком, даже если мой корень будет полностью уничтожен! Стая выберет воина!

– А он и не собирается уничтожать весь твой корень! – с усмешкой возразил Ратмир. – Не для того он подсунил тебе еще одного сына, чтобы потом его уничтожить!

Вожак поднял на волхва непонимающие глаза, и Ратмир объяснил, глядя прямо в них:

– Твоего старшего сына он решил уничтожить после того, как тот отказался взять власть, убив на поединке собственного отца, хотя Извар и обещал ему свою помощь в этом поединке. После этого отказа волхв стаи подыскал более покладистого молодца, хотя и более хлипкого. И не только подыскал, но и смог выдать за твоего сына. Теперь, если твой младший сын сможет одолеть тебя в поединке, он, конечно же, будет избран вожаком! Тем более что и волхв стаи поддержит его кандидатуру! Твой младший сын станет вожаком, а вот править стаей будет... волхв! Только такой расклад объясняет все, что случилось в твоей стае! И если я прав, твой младший сын будет требовать поединка насмерть!

– Нет! – немедленно возразил вожак. – Он не станет требовать поединка насмерть, он прекрасно понимает, что ему не продержаться против меня-рыси и десяти минут!

– Ты забываешь, что его будет поддерживать посвященный!

– Волхв стаи не имеет права поддерживать одну из рысей, бьющихся на поединке!

Тон вожака был категоричен, но он явно не ожидал ответа, последовавшего от дважды посвященного волхва:

– А кто будет знать об этой поддержке?!

После этих слов вожак растерялся:

– Но... это же противоречит всем законам и обычаям!..

Слова эти прозвучали слишком неуверенно, чтобы их можно было считать серьезным возражением.

– Конечно... – неожиданно согласился с вожак Ратмир. – Так же, как противоречил всем законам и правилам поединков волхвов стаи, как противоречила им процедура признания законным твоего неожиданно объявившегося сына!

– Так что же мне делать?.. – с отчаянием прошептал вожак.

– То, что я тебе посоветовал. Готовиться к поединку со своим мнимым сыном. Ты должен будешь его... убить. А твоего волхва я постараюсь нейтрализовать. Потому я и вернулся в твой лагерь под личиной Дерца. Пусть все думают, что я и мои волки ушли своей дорогой, пусть Извар не опасается моего вмешательства в его дела.

Несколько секунд вожак внимательно вглядывался в лицо волхва, а затем тихо проговорил:

– Понял... – А еще через несколько мгновений добавил: – Не думал, что доживу до такого времени, когда волк будет спасать меня, рысь, от моих же сородичей!

– Времена меняются... – усмехнулся Ратмир своей мыслью. – И не всегда в лучшую сторону... И потом, я же не волк, я – дважды посвященный волхв!

Вожак вздохнул и спросил уже совсем другим тоном:

– Ты будешь ждать поединка здесь?

– Да, – кивнул волхв, – и скажусь больным... Слегка занемог твой сын, промотавшись с волками всю ночь верхом.

Вожак отрицательно покачал головой:

– Дерца это не утомило бы.

– Ну, так съел что-нибудь не то! – усмехнувшись, предложил Ратмир. – Да сам что-нибудь придумай, ты же лучше своего сына знаешь!

Вожак поднялся со своего места, задумчиво кивнул и направился к выходу, а Ратмир, откинувшись на подушки, приготовился к долгому ожиданию.

Лагерь, между тем, жил своей, четко спланированной жизнью. Несмотря на то что слух о предстоящем поединке вожака с его младшим сыном уже прошел среди рысей, они ничем не показывали своего волнения. А волнение было – несмотря на явное боевое преимущество вожака, в поединке могло случиться всякое, и никто не мог знать заранее, к кому удача повернется лицом!

Когда солнце коснулось своим краем горизонта, в лагере поднялась суматоха. Несколько человек по приказу вожака вскочили на лошадей и ушли наметом по той самой дороге, по которой утром отряд волков подъехал к лагерю рысей. Минут через двадцать они вернулись, а следом за ними показалась целая кавалькада из сорока с лишним всадников, сопровождавших богато украшенный возок. Впереди скакали четверо пожилых рысей с копьями в руках, а за ними, чуть впереди возка, в гордом одиночестве следовал невысокий, богато разодетый юноша с тонкими, упрямо поджатыми губами и странно неподвижными, словно обращенными внутрь себя, глазами.

Вожак стаи восточных рысей стоял у входа в свой шатер и молча наблюдал за приближением кавалькады. Возница, сидевший на облучке возка, остановил его невдалеке от шатра, юноша, следовавший рядом, также остановил свою лошадь, посмотрел с седла на стоявшего вожака и неожиданно тонким голосом спросил:

– Отец, а где мой старший брат?

– Он в моем шатре, – стараясь говорить спокойно, ответил князь, – ему нездоровится.

– Значит, он не поехал провожать твоих гостей?

Вожак чуть было не переспросил, откуда его младший сын знает о гостях, но вовремя сдержался. Вместо этого вопроса он все тем же спокойным тоном произнес:

– Он их проводил... недалеко. И вернулся немного нездоровым. Сейчас он отдыхает.

– Так, может быть, его стоит отправить в столицу? – продолжая оставаться в седле, предложил юноша. – Извар посмотрит, что с ним, и поможет ему.

– Нет, Дерц не настолько болен, чтобы докучать своим недомоганием волхву! – довольно резко ответил князь и в свою очередь задал вопрос: – Лучше скажи мне, Орт, с чем ты пожаловал? Ты по-прежнему собираешься выйти против меня на ристалище?

– Именно для этого я и приехал, – едва заметно кивнул Орт. – В названный тобой час, завтра на рассвете, мы будем драться насмерть! Маршалом поединка со своей стороны я назначаю Горда. За тобой выбор оружия!

Последовала короткая пауза, после которой вожак коротко бросил:

– Мы будем драться, повернувшись к Миру родовой гранью! Маршалом поединка со своей стороны назначаю... Власта.

После этих слов он повернулся к столпившимся за его спиной воинам и приказал:

– Разместите приехавших с моим сыном людей у восточной границы лагеря. Пяти шатров им хватит, и охрану этих пяти шатров я поручаю... Власту!

Высокий, седоволосый дружинник шагнул вперед и начал отдавать распоряжения по размещению приехавших, а князь откинул полу шатра и вошел внутрь.

Дважды посвященный волхв лежал ничком на раскинутых подушках и, казалось, не дышал. Несколько секунд князь глядел на неподвижное тело, и вдруг услышал тихий шепот:

– Твой младший прибыл...

– Да... – так же тихо ответил вожак. – А вот Извар остался в городе...

– Нет, ваш волхв приехал вместе с Ортом... – неожиданно возразил Ратмир.

– Но, Орт сказал, что Извар остался!.. – удивился вожак. – Он даже советовал отправить заболевшего Дерца к нему в столицу.

– Он врет, – жестко ответил Ратмир. – Извар находится в повозке!

– Я прикажу ее обыскать! – повысил голос вожак. – Я вытащу волхва оттуда!

– Зачем? – все так же шепотом переспросил волхв. – Пусть он прячется и думает, что не обнаружен. Он будет спокойнее и станет действовать наглее... А мне будет проще ему помешать.

Несколько секунд вожак молчал, а затем, согласившись с волхвом, спросил:

– Может быть, тебе что-нибудь нужно? Говори...

– Нет, – ответил тот, – до завтрашнего утра – ведь схватка назначена утром – меня не надо больше беспокоить. И сам отдохни как следует, постарайся поменьше думать о завтрашнем поединке и хорошенько выпись. На рассвете тебе понадобятся все твои силы!

Князь молча кивнул и покинул помещение. Он перешел в другую «комнату» и, отдав страже приказ не беспокоить его, улегся на толстом ковре. Вожак не волновался, только необходимость сразиться с человеком, которого он долгое время называл сыном, томила его. И все-таки уснул он довольно быстро.

А лагерь еще долго не затихал. Горели костры, разговоры шли негромко, но основательно, рыси и изверги обсуждали предстоящий поединок – небывалое событие в истории стаи. И только пять шатров, стоявших у восточной границы лагеря, тонули в темноте. Рыси, приехавшие с младшим сыном князя, не вступали в разговоры с соплеменниками, нарочито демонстрируя свою исключительность. И самое главное – то, на что почти никто не обратил внимания, – пять шатров вновь прибывших были расставлены таким образом, что повозка, прибывшая с кавалькадой княжича, спряталась между ними от глаз обитателей лагеря!

Князь проснулся в самой середине часа Неясыти от странного, необъяснимо тревожного, едва слышимого звука. Словно кто-то, тихо рыкнув, толкнул его мягкой, но тяжелой

лапой под сердце, и сердце тоскливо заныло от этого толчка. Осторожно поднявшись со своего жесткого ложа, он тихо вышел из шатра и остановился у порога. Справа от него черная иззубренная стена леса подпирала темно-синий, усыпанный звездами небосвод, а слева небо опускалось к самому горизонту, уже размытому подступающим рассветом. Воздух был прохладен и чист, ни один шорох не тревожил абсолютной, оглушительной тишины... И все-таки вожак прислушивался в надежде еще раз, теперь уже вполне осмысленно, услышать разбудивший его звук.

Он долго стоял на свежем, проясняющем голову воздухе, но так ничего и не услышал. А восточный край небосвода постепенно наливался светом, отодвигая ночь к западу, выводя из тьмы застывшие деревья опушки, неподвижных, спящих лошадей и фигуры дружинников, похожие на каменные изваяния, сторожащие могильные курганы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.